

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОДЕКС ПРЕДСМЕРТИЯ

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ПЕЧАТЬ ЛЬДА

Кодекс предсмертия

Сергей Малицкий

Печать льда

«Автор»

2009

Малицкий С.

Печать льда / С. Малицкий — «Автор», 2009 — (Кодекс предсмертия)

ISBN 978-5-9922-0375-2

Его зовут Рин Олфейн. Он – последний из рода основателей Айсы, странного города на краю земли, заселенной людьми. Десять веков простояла Айса, сдерживая напор зловещей Погани. Десять веков ее торжище ломилось от товаров, а в толще священного холма рос магический лед, горожане были счастливы, а воины Айсы, помеченные холодным пламенем демона, – непобедимы. Но настал час расплаты. Демон предъявил счет древнему городу, и теперь лишь от смелости Рина Олфейна и стойкости его верных друзей зависит, двинется ли зло в последний поход на землю людей.

ISBN 978-5-9922-0375-2

© Малицкий С., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Малицкий

Печать льда

Глава 1

ПЕРЕКРЕСТОК

Мгла укутывала мертвую равнину, словно ветхое одеяло. Южный ветер тащил к северу тучи и из-за дождя казался холодным. В облачных прорехах мелькали звезды, иногда показывалась половина луны, и тогда из темноты выныривали черные дома странного города. Над ним рокотала гроза, но вспышки молний ложились бликами только на крыши. Провалы дворов и ущелья улиц казались бездонными и были подвластны лишь дождю и ветру. И тот и другой усердно погружали город в осеннюю сырость и грязь, но ничего не могли поделать с выбивающимся из дымоходов, сквозящим из-за неплотно прикрытых ставень и дверей теплом. Вздыхающийся заостренными кровлями в мутное небо, напоминающий пропеченный до черноты и порубленный на улицы хлеб, – город жил, и жил сытно и тепло.

Худощавый парень выбрался из окна через пару минут после удара тяжелого колокола. Мостовая была близка, но парень не прыгнул, хотя сапоги и скользнули по узкому карнизу. Крепкая рука придержала ловкача за шиворот, дав ему возможность уцепиться за причудливый резной орнамент, опоясывающий дом под окнами. Парень кивнул невидимому сообщнику и двинулся по карнизу от парадного входа вглубь переулка. Вряд ли он был вором, потому что помощник его остался в доме, бесшумно закрыв окно. Да и сам стенолаз явно не уходил от испытания, но и за добропорядочного гуляку сойти не мог – слишком уж старался остаться незамеченным. Так или иначе, ему было от кого таиться – в зыбком свете масляного фонаря на ступенях ежились два стражника и, зло поминая ненастье, поочередно бросали кости, не забывая прикладываться к глиняной фляжке с бодрящим напитком.

Едва различимой тенью парень дошел до конца карниза, перебрался на стену следующего дома и ловко спустился по выщербленной кладке, уверенно находя выбоины меж камней. Однако внизу его мнимую уверенность сменили волнение и спешка. Когда ночной гуляка принялся срывать тряпье, скрывавшее узкий меч, руки его задрожали. Но вот ножны блеснули промасленной кожей, парень поправил пояс, подтянул шнуровку плаща и, придерживая меч левой рукой, быстрым шагом устремился по узкому переулку, оставаясь в почти непроглядной тьме.

Ему было около двадцати, но что-то в облике парня говорило о том, что возраст все еще не сделал его мужчиной или уж точно не влил в него уверенности и спокойствия. Конечно, многие прощались с юностью и в более ранние годы. С другой стороны, не всегда природа властна над собственными детьми, хотя кто, как не она, придумывает для них испытания, в том числе и сталкивая неразумных друг с другом.

Ясным было одно: именно теперь неизвестный вряд ли задумывался о том, какое впечатление он может произвести на юных горожанок, их благочестивых матерей и бравых отцов. Он крался по ночным улицам и старался остаться незамеченным. К счастью, и ненастье, и поздний час, и темная одежда вполне способствовали его замыслу. Несколько раз на пути парня оказывались кабаки, из распахнутых дверей и приоткрытых окон которых несло гудение вельтских дудок и слышались пьяные крики. Но неизвестный сворачивал с узких улиц в еще более узкие переулки и счастливо избегал столкновений с загулявшими горожанами.

Что-что, а дорогу молодой путешественник знал отлично. Он даже хватался за близкие стены до того, как под ногами начинали чавкать вылитые на мостовую и разбавленные дождем помои, и заранее замедлял шаг, выискивая во мраке невидимые ступени. Его плащ скоро намок, колпак, натянутый на голову, обвис. Верно, и сапоги не препятствовали влаге, но парень не замечал ничего, только вздрагивал время от времени, словно кто-то невидимый касался его плеча или крался по следам. Он позволил себе остановиться лишь у проездного двора высокой башни, с оголовка которой не так давно разнесся удар колокола. Облегченно вздохнул, погладил изъеденную временем кладку, заглянул в черный провал высокой арки, прислушался к шуму воды в основании древнего сооружения, оглянулся, вздрогнул от мелькнувших в отсвете молнии башенок магистрата и, ускорив шаг, нырнул в очередной переулочек.

Когда торопливый путник добрался до городских ворот, дождь кончился, и даже небо стало серым, словно ветер сорвал нижнее покрывало, а верхнее, недостижимое, было намертво прибито к небосводу звездами и подсвечивалось луной. У ворот высились поленицы дров, в них упирались ручками рудные тележки. Тут же стояла жаровня, в которой метался огонь, и три стражника с нетерпением наблюдали, как брошенный на железные прутья кусок мяса пузырится соком.

Парень расправил плечи и с независимым видом приблизился к дозорным.

– Стой, мерзавец! – с испугом ухватился за отворотный амулет пузатый стражник, но, рассмотрев ночного гуляку, выдохнул с облегчением. – Или еще не мерзавец? Хотя, как говаривал мой покойный батюшка, это вопрос времени и оказии, сынок. Куда собрался?

– Вот. – Парень протянул усачу лоскут пергамента. – Я – сын Рода Олфейна, иду в Каменную слободу на ночную службу в Кривую часовню.

– А почему ночью, демон тебя задери? – не понял толстяк и поискал взглядом одного из напарников. – Длинный! Ты из Верхнего города, знаком тебе этот приятель?

Долговязый охранник с трудом поднялся с грубо сколоченной скамьи и шагнул к незнакомцу, вглядываясь в его лицо.

– А кто его знает? Я младшего Олфейна уж лет пять или шесть не видел, с тех пор как хворь его отца свалила. Не показывался он на людях, да и до того я к нему не приглядывался. Может, он, а может, и не он. Он же тогда мальчишкой был...

– Вот ярлык! – встряхнул лоскут парень, стиснув от досады зубы. – Я сын Рода Олфейна! Сегодня последний день траура по моему отцу! Ночью в Кривой часовне меньше народу.

– Это точно, – зевнул долговязый стражник. – Конечно, если храмовник не замкнет двери и сам не убежит куда-нибудь на ночь. В последние дни бродяги да тележные перегонщики толпами вокруг часовни стоят. Верно, полагают, что, если долго палиться на Клейменный огонь, Погань проникнется к ним почтением или даже пошлет богатство раньше огненной смерти. Или надеются, что магистрат всяким отбросам будет ярлыки горожан раздавать. Ребятки с внешней стены с ног сбились присматривать, чтобы эти скамские да тарские поганцы по городу не расползлись! Замучились на ночь их выдворять за ворота! Боюсь, что Поганский поселок треснет от их нашествия. Ночами теперь, кроме охотников, вовсе никого через ворота не пропускают!

– Хватит болтать! – отмахнулся от долговязого толстяк. Поскреб выпуклость кирасы, словно намеревался добраться до зудящего живота, и снова повернулся к парню: – Что у тебя есть кроме ярлыка?

– Я сын Рода Олфейна! – упрямо повторил тот и отвел полу плаща. – Вот меч со знаком магистрата.

– Еще скажи, что ты и сам магистр, – сплюнул стражник. – Может быть, и перстень покажешь? И ярлык, и меч украсть мог. Стыдно должно быть в твоём возрасте папенькой прикрываться – да пошлет ему Единый покоя в ином мире, славный был воин! Собственное имя пора славить!

– У молодого Олфейна прозвание было – лекаренок, – зевнул, поежившись, в стылом полумраке третий стражник. – У меня племянник в казарму, что у Западной башни, когда-то ходил, обучался воинскому делу от цеха кузнецов. Так он рассказывал, что Рин Олфейн сызмальства то ли к лекарскому делу был приставлен, то ли дар имел. Но если синяк от удара или порез какой, только к нему и обращались. Руками лечил! Любую боль снимал!.. Да! Точно говорю! Не вру, чтобы мне тут же пеплом осыпаться! Тогда еще Храм не так строг с колдовством был. Впрочем, все с разрешения старика Грейна, тогдашнего старшины, делалось, да и мзду за лечение паренек не брал. Хотя так-то вроде бы травник ребятишек пользовал, Ласах который, но иглу за щекой не скроешь, да! И еще говорили, что очень ловок этот самый Рин с узким мечом. Ну, той науке его еще отец научил. Род Олфейн отличным рубакой слыл!

– Слушай, парень, – оживился долговязый, – а не про тебя говорили, что Клейменный огонь тебя не берет? Не ты ли всю руку сжег, а отметины так и не получил? Если ты, так имей в виду, что без отметины плохой из тебя воин. Я и гроша за тебя не дам против любого юнца из городских стражников. Мало ли кто из нас в детстве ловко деревяшками размахивал?

– Так проверить недолго! – почесал угреватый нос красный от бликов жаровни толстяк.

– Хотите, чтобы я помахал деревяшкой? – сглатывая накатившую от запаха мяса слюну, нервно повысил голос парень.

– Еще чего! – ухмыльнулся стражник. – Посмотри-ка лучше сюда, лекаренок. – Толстяк размотал грязную тряпицу и ткнул в лицо парню распухший палец. – Что скажешь?

– Ничего он тебе не скажет! – загоготал долговязый. – Ты уже с полгода с ковырялкой своей мучаешься. Слушай, а правду говорят, что съешь его куда ни попадя? Может, отрезать твой крючок, пока вся рука не сгнила?

– Заткнись, дылда! – рявкнул толстяк и шагнул к молодому Олфейну, пахнув на него гнилью и перекишшим потом. – Слушай меня, парень. Боль снимешь, и то ладно. Поверю. Выпущу из города, да еще и монетку для настоятеля Кривой часовни дам. Пусть помянет твоего отца и за городскую стражу. Заодно и клеймение еще разок опробуешь, вдруг Единый сжалится над тобой?

– Ты еще скажи, что Погань над ним сжалится! – скривился долговязый. – Ты хоть кого-нибудь знаешь, чтобы Единый его жалостью почтил?

– Прикуси поганый язык! Или мало в Айсе богатеньких да здоровеньких, которых Единый только по недосмотру приветить мог? – огрызнулся толстяк и перешел на шепот: – Ну, паренек? Сговоримся?

– Я не могу лекарствовать! – процедил сквозь стиснутые зубы парень. – Храм запрещает колдовство! Да и гной у тебя в пальце, тут серьезная ворожба требуется. Нет у меня ни ярлыка травника, ни знахаря, ни колдуна!

– Так с ярлыками не рождаются, – сверкнул щербатым оскалом стражник. – Думаешь, что охотниками с младенчества становятся? Нет, кто выжил, тот и стал. Или боишься, что в Храм донесу?

– Чистый платок есть? – скривил губы молодой Олфейн.

– А этот чем плох? – расправил засаленную тряпку усач. – Давай! А то ведь запру в караулку, утром только разбираться стану.

– Вина дайте, – прошептал путник.

– А не рано ли тебе вина? – ухмыльнулся толстяк.

– Не пить, – ответил парень, болезненно морщась. – Палец твой промыть надо. И до ворожбы и после.

Рин Олфейн вышел за стену только вместе со следующим ударом колокола. Вынужденное целительство вымотало его. Походка стала неуверенной, глаза закрывались, словно он не спал несколько дней, рука, лежавшая на рукояти меча, дрожала не переставая. Тонкий нос, широкий

лоб с прилипшими прядями черных волос, чуть выдающиеся скулы, впалые щеки и крепкий подбородок покрывали уже не капли дождя, а пота. Парень остановился у пыточного столба, уперся в смоленое дерево лбом, вздрогнул от звона потревоженных кандалов, быстро нащупал что-то сквозь ткань на груди и с усилием выпрямился.

Главная городская стена осталась за спиной, впереди серели заборы и крыши приземистых домов Каменной слободы. Левее, к северо-западу торчал темный силуэт скособоченного здания, наводящий на мысли о заявленной цели ночного путешествия. Вдоль улиц, спешивших вниз по склону к окраинным башням внешней стены, бежали грязные ручьи, навстречу напелзл мутный туман. Олфейн поднял глаза к небу, на котором, освобожденная от облаков, сияла половина луны, и неуверенно зашагал по скользкой мостовой.

Он свернул в последний проулок перед невысокой, пузатой башней. У костра, разожженного под ней, толпились стражники, забывшие о дозорах на стенах, но Рин не рискнул вновь сталкиваться со стражей и скрылся в темноте. Идти приходилось на ощупь, за глухими заборами недовольно ворчали собаки, но лаять не решались. Близость городской окраины угнетала даже их.

Наконец руки нащупали шершавую стену низкого дома.

– Кто там? – раздался приглушенный голос в ответ на осторожный стук.

– Это я, мастер Грейн, – ответил молодой Олфейн и вскоре уже сидел за потемневшим от времени столом.

Колыхался в глиняной плошке язычок пламени, темнело в кубках перекишшее ягодное вино из Пущи. Мастер Грейн, сцепив сухие коричневые пальцы, смотрел на прикрывшего глаза гостя так, словно видел его в последний раз.

– Лица на тебе нет! – покачал головой старик. – Сдал прямо как и я...

– Нет, – вздрогнул Рин. – Да и ты – постарел слегка, не больше. Но не сдал. И я не сдам.

– Дурное дело ты задумал, маленький Олфейн, – пробормотал старик.

– Я не маленький, – расправил плечи Рин. – Я уже не был маленьким, когда заболел отец. Больше пяти лет я удерживал его на краю жизни, но хворь оказалась сильнее...

– Для меня ты навсегда останешься сопливым мальчишкой, – ухмыльнулся углом рта Грейн. – А уж хлопот было с тобой, маленький Олфейн! То ты на стальных мечях до срока рубился, потом раны залечивал да от изнеможения шатался. То по городской стене да по Водяной башне карабкался, что твоя огненная ящерица. Как шею себе не сломал, до сих пор удивляюсь! Вот и теперь дурное дело ты задумал. Не в том смысле, что постыдное, а неразумное. Никого ты не найдешь нынче ночью. Ни Хозяйки Погани, ни опекуна. Хозяйка, как говорили наши деды, или, как теперь талдычат храмовники, огненное дыхание Единого, людям вовсе не показывается и не показывалась никогда. А если кому и показывалась, так «счастливики» от священного же пламени в пепел скорее всего заживо и обращались! Только ты не верь, парень, никому, что это Единый пламенем карает отступников и нечестивцев. Не верь.

– Я и не верю. – Рин потер пальцами глаза. – Или мне собственного отца в отступниках и нечестивцах числить? Ты мне другое скажи, мастер. На вопрос ответь, на который даже мой старый наставник Камрет ответить не смог. Или не захотел... Почему дух Погани или огненное дыхание Единого охотники Хозяйкой кличут? Или сказки стародавние, что айские мамыши детям на ночь рассказывают, и не сказки вовсе?

– О сказках ты меня не спрашивай, – пожевал губу Грейн. – Если времечко на тысячу лет назад отмотать, любая сказка былью может обернуться. Потому как небыль на быль, словно кора дубовая на молодой дубок, сама по себе прирастает. Да и не сложилось у меня как-то с айскими мамашами. А охотники больше других видят. Но и зря ничего не бывает. Всякая стихия сама себя под женскую или мужскую сторону клонит. Тебя же не удивляет, что ветер стылый – он, что зима с ее пакостями мерзлыми – она? Или ты хотел когда-нибудь речку городскую

Иску мужским именем окликнуть?.. Вот! А что касается Погани... Погань ведь и есть Погань. Она! Да и предание – не мамское, а в древности записанное, как говорят, – указывает точно: Клейменный огонь на камне, когда еще и Кривой часовни никакой не было, не сам по себе, не от молнии гнева Единого, как нынче опять же храмовники вещают, зажегся, а от бабской руки.

– Слышал и я о том, – кивнул Рин. – Только я у Солюса, что в Кривой часовне служит, спрашивал об этом предании. Так он заявил, что молния гнева Единого или – по храмовому канону – огненное дыхание его, самим Единым исторгается, а творец и вседержитель сам выбирает и путь свой, и образ, в котором собственную волю исполнять будет.

– Солюс с чужого голоса поет, – прищурился Грейн. – Я, кстати, думаю, что огненное дыхание бывает, когда с вечера плеснешь горючки в горло, да за ночь притушить ее не успеешь. А молния гнева, это когда глазом на кулак в латной рукавице насочишь. А вот насчет бабской руки... Я всегда охотников слушал. Они по краешку смерти не в ратную пору ходят, считай, еженощно. Они с этим самым огненным дыханием на ощупь знакомы, и если говорят, что у Погани есть хозяйка, так я им скорее поверю, чем Солюсу. Ты, я так понял, как и обещался, на перекресток собрался. От того места до самой Погани еще с половину лиги будет. Может, и минует тебя, неклеяменого, огненная пакость, только не найдешь ты на перекрестке опекуна. Охотники нынче по кабакам сидят: бушует в последние дни Погань! Даже ночью спалить любого готова, что клейменого, что неклеяменого. Зарницы так и вспыхивают у дальних холмов! Говорят, что даже желтые волки стаями, да гады ползучие тьмою немереной в Пущу из Погани откочевывают. Неладное что-то творится на востоке, неладное!.. Я и не припомню похожего. Да и горожане здесь, в слободе, словно звери стали, за косой взгляд в глотку вцепиться готовы! То и дело чей-то пепел по улице несет, а чей – и не всегда разберешь. Так ведь не то страшно, что вцепиться готовы, а то, что зубами щелкают, а не цепляются, будто мертвецы ожившие бродят. Везде все неладно, везде... Будь осторожен, парень! И за стенкой, и до нее. А выпадет тебе спаситель, не за каждого хватайся. В глаза посмотри сначала, прикинь да сообрази. Колечко надеть недолго, снять трудно. Нынче из трех встречных двоих стороной обойти надо, а на третьего меч наставить! И насчет Камрета подумай. Да и какой он наставник, всегда был себе на уме! Зря веришь седому гуляке. Он, конечно, карты ловко раскидывает, говорят, но вот раскинутое всякий раз по-разному толкует.

– Однако сбываются его толкования часто, – нахмурился Рин. – Смотри-ка, берет за предсказания Камрет немало, а число желающих прислушаться к нему не уменьшается. Или просто так, думаешь, ни один трактирщик не разрешает Камрету кости в своих стенах бросать? У него всегда шестерки выпадают! Да и нет у меня выбора. Иначе завтра в полдень дядюшка мой пожалует, под свою руку дом возьмет. Опекун по-всякому нужен.

– Неужто в городе никого не нашлось? – сдвинул брови Грейн. – Ладно, не говори ничего, знаю. Убьет твой дядюшка всякого. Может быть, и не своими руками, а все одно изничтожит. Найдет способ. А не убьет – пакость какую-нибудь измыслит. Наверное, ждет не дождется, когда траур закончится? А за охотника может и вся Каменная слобода встать. С другой стороны, как встанет, так и снова на зад опустится. Ты не обижайся на горожан, парень, не те у них сердца, чтобы против первого богача Айсы и лучшего мечника вставать. Эх, был бы жив твой отец, я бы его лучшим мечником числил! Хотя даже он против Фейра...

– Я уже, значит, в счет не иду? – напряг скулы Рин.

– Молод ты, маленький Олфейн, – поморщился Грейн. – Молод и горяч. Но твой жар против того холода и неистовства в схватке, что Погань клейменым дает, слаб.

– Что же мне теперь, лед глотать? – насупился Рин. – Пробовали, говорят, некоторые, что магией не владели, а другого средства от ран или хворей, кроме магического льда, не находили! Так он без колдовского умения льдом остается, только что не тает. Кишки проморозит, а холода все одно не даст! Сам-то отчего клеймить запястье не стал? Отчего от храмового обета отказался? Ты-то уж по-всякому достоин лучшего жилья и доли, нежели эта халупа!

– Не я один отказался, – пробормотал Грейн. – Ты сам-то деда своего вспомни! Да и не только его. Раньше только стражники клеймились, и то не все, а теперь... Не по нраву мне новые порядки, раньше никого поганым пламенем не насиловали, многим и того огня, что в сердце горит, хватало. Так что выбранной долей не кори меня. Из тех, кто в последние годы смерть принял, никто на смертном ложе поганого огня не избежал, всякий пеплом осыпался, не подарил земле тлена. Но клейменные, говорят, и в посмертии в пламени корчиться продолжают! Не хочу я этого, маленький Олфейн! Не боюсь, а не хочу! Не по нутру мне. И подпорки поганые духу моему не нужны. А если не веришь, так поспрашивай стариков, отставал ли я от клейменных, когда в былые годы скамы на наши стены лезли? А должностей, что ныне только клейменным выпадают, мне и задаром не нужно!

– Прости, мастер, – после паузы прошептал Рин. – Пора мне. Ничего. Если ты от клейменных не отставал, так и я не отстану.

– Отступись! – Старик тяжело поднялся. – Лекарствуй, если Единый тебя великим даром попотчевал. Хватит уж руку над поганым огнем жечь, не даст тебе Погань клейма, хоть тысячу раз ее дыханием Единого покличь! Почему – не знаю, но не даст. Не все клейма и в прошлые годы получали, случалось, что не ловила рука синюшный манжет на запястье. Колдунов некоторых доля сия миновала, умалишенных Погань не принимает, но никого она не обжигала на часовенном камне! Это ж суметь надо: в ледяном пламени ожог получить! Не хочет она тебя и гонит! Или ты не понял все еще? Успокойся! Отступись!

– А дом отца? – возмутился Рин. – Дяде отдать?.. Отец еще до болезни своей сказал, что мне род держать! Мне честь Олфейнов блюсти! Хочешь, чтобы сотни лет славы дома Олфейнов на мне пресеклись? Что ж, теперь весь род в Гниль спустить?.. Или ты думаешь, что я лекарскую стезю позорной считаю? Да я в уборщики уличные пошел бы, если бы это дом Олфейнов сохранило и род в прежнем праве продолжило! Так ведь не дадут мне жрецы ярлыка лекаря без клейма! А дали бы, чем я платить за ярлык стал? Теперь, после того как половина магистров с голоса дяди моего поют, мне не только магистром, но даже стражником не стать! Ты-то не из-за того же из казармы ушел?

– Ярлык лекаря только в городе нужен, – произнес, откинувшись в темноту, старик. – А за городом умение и честь твои. И лекарская честь, которая ничем не мельче любой другой. Чего тебе о магистрате беспокоиться? Тебя в любом поселке приветят! А дома за Дальней заставой в Дорожной слободе не хуже олфейновского. И род твой всегда с тобой будет. Ты теперь и есть твой род. В Гниль не полезешь, и род твой от трясиной пакости уберется. В Погань не пойдешь, род свой без ожогов оставишь. А обо мне не думай, по старости я казарму покинул, по старости...

– Ты учил дядю владеть мечом? – спросил Рин после недолгой заминки.

– Фейра Гальда? – переспросил Грейн. – Родного братца твоей матери, урожденной Амильды Гальд, что выносила тебя, да на ноги поставила, а потом сгорела в поганом пламени, хоть и неклеимой была?.. Да, было время, когда неклеимые умирали как люди, но, видно, слишком тщательно горожане выскребают гнезда магического льда под своими домами. Ослабла Айса!.. А Фейр... Я не учил его. Он приехал в Айсу двадцать один год назад, за полтора года до твоего рождения. И все, что он умеет, он умел уже тогда. Правда, бешеным стал только после смерти своей сестры... А уж то, что он выглядит немногим старше тебя, значит – порода у него такая. Мне приходилось фехтовать с ним, когда он только появился в городе. – Старик поиграл желваками. – Тогда еще и тебя на свете не было, парень. И мать твоя была просто сестрой своего брата, прибывшего в Айсу из каких-то дальних краев. Я тогда был моложе, рука еще не дрожала, а теперь... – мастер растопырил пальцы перед глазами, – как видишь, время на породу Грейна-мечника действует безжалостней, чем на породу Фейра Гальда...

– Ты сражался с ним? – Рин аж дыхание затаил.

– Я бы так не сказал, – нехотя признался старик. – Да, удалось сдерживать его выпады пару минут, хотя показалось, что он просто забавлялся со мной. Фейр не стал доставать собственный меч из ножен. Кстати, странный у него меч, судя по ножнам... Он ведь морщился поначалу, взяв в руки обычный скамский одноручник. Я предложил ему, пусть фехтует собственным оружием. Я любил, когда иноземцы приходили к казармам. А Фейр тогда был иноземцем, хотя ярлык-то сразу раздобыл, у них всегда есть чему поучиться... А твоя будущая мать крикнула, что если мальчик – она называла твоего дядю мальчиком, – если он достанет собственный меч, то мой меч придет в негодность! Я сражался так, как никогда до или после того дня, а твой тогда еще будущий дядя просто забавлялся со мной. Потом он легко выбил у меня меч и за четыре взмаха срезал с куртки четыре костяные застёжки, не зацепив ни ткани, ни самих пуговиц. Я и разглядеть ничего не успел... Что уж тут обижаться, что меч выбил...

– Почему же она... погибла? – выдавил сквозь сомкнутые губы Рин. – Почему погибла моя мать? Какая... она была?

– Не знаю, почему погибла, – вздохнул старик. – Ты бы у дяди своего и спросил. Это ведь он нашел ее пепел. Где-то или на Дровяной, или на Оружейной улице... Ночью! Только и узнал ее по залке для волос. Говорят, он прикрепил ту залку к рукояти своего меча... Я сам не видел. Еще что-то искал, долго искал. Потом, считай, весь город перевернул, но все сгорело, даже пряжки от обуви не осталось. Так тоже бывает, кстати, если пряжек на обуви нет или кто-то другой успел... поискать. А уж почему вышло так? Видно, помог кто-то Амилле Гальд закончить жизнь на темной улице. Мало ли... добрых людей. – Грейн презрительно скривил губы. – А вот какой она была, сказать тебе не могу, потому как не приглядывался. Точнее, не пригляделся. Ты радуйся, что отец твой ее разглядел! Конечно, говаривали, что красавица, но рассмотреть не удалось. Как ни косил взгляд, а словно горизонт в мареве разглядывал, плыло все. И в упор взглянуть не мог, будто взгляд кто мне отводил. Явно от нее у тебя способности к врачеванию! Одно скажу, Фейр у нее на посылках был, младшенький, наверное, любимый да балованный, вот он и лютует... который год. Отступись, парень! Дядя твой всегда добивался своего! Или ты думаешь, что кто-то другой мог загнать меня в эту халупу? Теперь он в казарме заправляет! Заправляет, да только отнял и бросил, заколотил и забыл!.. Отступись, парень! Что тебе дом Олфейнов, если кладовые его пусты, магические кристаллы вы со стариной Хакликом в штольне вашей выскребли подчистую на год вперед, а магистерским знаком тебе все равно не владеть!

– Не в кладовых честь дома Олфейнов! Да и не в магистерском знаке. Просто без него честь отстоять труднее будет. Но я не сдамся! – Рин сузил глаза. – Может быть, женюсь на клейменной. Выберу девушку побогаче. Она родит мне сына. Я отнесу его к пламени и сделаю наследником Рода Олфейна. А в магистрате пока опекун посидит. Пусть и без права голоса.

– И ты думаешь, что Фейр будет смотреть, как сумасшедшая, что за тебя согласится пойти, плод вынашивает? – Старик закашлялся. – Не дадут ей родить. Да и родит, неужели и в самом деле к поганому огню потащишь кроху? А если его рука, как и твоя, обгорать будет?.. Молчишь? А если девка родится?..

Ничего не ответил молодой Олфейн, к двери направился.

– Что ты так уцепился за дом свой? Или же сам веришь, что отец твой ключ от Водяной башни хранил? – окликнул его у порога старик. – Да не тот, что ворота открывает, а другой, тайный?.. Который всей Айсой правит? Что магия им направляется, которая богатство города создает?.. Отчего же тогда впал в нищету дом Олфейнов? Молчишь?.. Если о том слухи по всему городу ходят, точно не оставит тебя в покое Фейр! Ни в Айсе, нигде! Убить его надо, парень, и будь я проклят, если Единый за то, что твой родственничек успел в Айсе натворить, не простит тебе эту смерть!

– Он брат моей матери, мастер Грейн, – ответил Рин и скрипнул дверью. – Младшенький, как ты говоришь. Я тороплюсь. И никакого тайного ключа у меня нет! И у отца не было!

– Что ж ты Фейру этого не объяснишь? – Старик поднялся. – Подожди, маленький Олфейн. Провожу я тебя.

Лачуга Грейна примыкала к невысокой, в десять локтей, стене вплотную. Олфейн приставил к кровле лестницу, осторожно взобрался на крышу и переполз с нее на прясло стены.

– Осторожней, парень, – донесся снизу приглушенный голос. – Погань – она погань и есть. Ни ей не верь, ни людишкам, печатью ее отмеченным. И сам печати ее не ищи! Да, веревка там у меня за дымоход подвязана, по веревке спускайся!

Рин кивнул, словно Грейн мог его видеть, и одним прыжком оказался вне города.

Привычный ногам камень заканчивался вместе с холмом. Дорога, огибающая внешнюю стену, подпирала ее основание пылью, черной от задуваемой с востока гари. Сразу за дорогой начиналось кочковатое поле, где-то впереди, за последним поселком переходящее в пространство Погани. В лунном свете равнина казалась серой, почти белой, но ступить на нее не хотелось. Чуть севернее от близкой башни начиналась дорога в Погань. Но выйти на нее Рин собирался через поле, с башни дозорный спросонья мог и стрелу пустить. В сотне шагов впереди снова начинались дома, в некоторых окнах мерцал свет, но парень колебался. Наконец он зажмурился, сделал один шаг, следующий, пересек дорогу, открыл глаза и двинулся дальше.

Холод пробежал по спине, головная боль, мучившая его еще от главной стены, резко усилилась, стоило только ступить на равнину. Один шаг, и каменный холм вместе с городом и слободами, покрывающими его твердь, и даже будто бы вся прошлая жизнь Рина, остались за спиной. Впереди покачивались мутные огни Поганки, последнего поселения к востоку не только от города, но всей обитаемой земли, включая мелкие королевства севера и запада, редкие деревни Пуци, селения кочевников и охотников в Диких землях. Впереди стояли ветхие хибары, временки, навесы, меж ними – основательные, сложенные из камня «окраинные», как говорили в Айсе, трактиры. А дальше лежала Погань – пепельная пустота и огненная пустыня, обиталище смерти и ужаса.

Усиливающаяся головная боль и невыносимое удушье напоминали об этом все сильнее и сильнее с каждым пройденным шагом. Ветер еще торопился с юга на север, но уже не нес тяжелых ароматов топи: запах гари к востоку от города пропитал саму землю. Дома диких поселенцев, не прибывшихся еще ни к одной застенной слободе, и лачуги человеческого отребья, которым и не могло найтись места ни в одной из общин, светили огнями, но сам огонь в окнах убогих строений казался вестником смерти. Ничем иным он и не мог быть.

Огонь за пределами городского холма не подчинялся людям, мог выйти из повиновения в любую секунду, да и само существование близ Погани никому не обещало долгой жизни. С другой стороны, где еще было остановиться уставшему охотнику или отчаянному добытчику, в очередной раз избежавшему смерти, как не в первом же попавшемся трактире? Часто именно там же и спускалась за бесценнок добыча. Таких трактиров в Поганке было никак не меньше, чем наскоро слепленных из всякого хлама лачуг. Правда, празднества в сих заведениях чаще всего напоминали поминальные тризны, хотя в некоторые ночи даже их не случалось. Но именно теперь все придорожные харчевни были полны. Неужели вправду не для охотников нынешние ночи?

Рин прошел больше половины поселка, когда в одном из заведений распахнулась дверь, из шума и гама вывалились трое подвыпивших гуляк. Ничем они не напоминали охотников, под просторными рубахами угадывались легкие брони, а короткие скамские мечи на поясах явно свидетельствовали об их отчаянном характере. Верно, гуляли охранники какого-то купца или веселые смельчаки, что горазды сами пощупать обозы не слишком опасных торговцев.

Говорил ведь Хаклик молодому хозяину, что больше прежнего понаехало купцов к Айсе, ледяные кристаллы в цене поднялись, всякая поганьская добыча влет идет, даже тесаный

камень расходитя. Правда, и ночи не проходит, чтобы какой-нибудь бедолага в Диком поселке или Поганке не заполучил нож в спину и в пепел не обратился.

«Не такие же ли молодцы озоруют»? – подумал Олфейн, нащупывая рукоять меча. К счастью, распевая какую-то непотребную песню и с трудом удерживая равновесие, троица прошла мимо Рина, не обратив на него ни малейшего внимания. Олфейн уже с облегчением выдохнул, когда разобрал сквозь удаляющийся пьяный ор тихие шаги. Не задумываясь ни на мгновение, он развернулся и обнажил меч. Троица по-прежнему уходила в сторону следующего трактира, но еще двое, одетых то ли в тряпье, то ли в выцветшие плащи, замерли в пяти шагах.

– Чуткий, – прошелестел тихий голос.

Раздался смешок, и в полутьме шевельнулись узкие клинки. Противный голос прозвучал словно над самым ухом:

– Далековато ты забрел, парнишка? Отдай меч, кошелек и плащ и можешь молиться своим богам. Впрочем, нет, похолодало не слишком, раздевайся вовсе! Я не спрашиваю, зачем тебя занесло так далеко, но ты, почитай, легко отделался. Конечно, если не собирался поохотиться в Погани. Ведь в таком случае тебе повезло еще больше: мы избавим тебя от ночной прогулки. Нынче Погань бушует. Считай, что благоразумие настигло тебя!

– Дай я ему врежу, Кат! – прорычал второй. – Щенок свихнулся, как я посмотрю. Меч обнажил! Клинок-то, кстати, паршивый, весь в зарубках... Ничего, моя шпага длиннее!

– Не спеши, – оборвал его первый, и Рин заметил еще две или три тени, крадущиеся вдоль домов справа.

– Ну? – повторил Кат с явным раздражением. – Сбрасывай все и можешь дожидаться утра в ближайшем трактире. А утром хозяин доставит тебя домой. Конечно, за хорошую плату. Ну, ты оглох или слишком занят порчей штанов?

– Нет, – почти безучастно произнес Рин.

– Нет? – удивился вожак и шагнул вперед.

Рин упал на колено в тот миг, когда странный клинок разбойника пошел вперед. Прием был испытанным, правда, никогда еще молодому Олфейну не приходилось выполнять его с мечом, а не с палкой. Отведя лезвие противника, он ткнул жоака в бедро и тут же откатился в сторону. Второй разбойник замер, пытаясь понять, отчего главарь завизжал и скорчился, и Рин успел вскочить на ноги.

– Пропори ему ноги! – просипел вожак, зажимая хлещущую кровь. – Не убивай, но пропори ему ноги! И руки!.. Он проткнул мне бедро, демон его раздери на мелкие куски! Эй! Все сюда!..

Рин еще успел заметить все те же тени поодаль и шагнул вперед. Противник был выше его на голову и раза в два тяжелее, но вряд ли ловчее жоака. К тому же свой странный меч держал так, словно был более привычен к дубине или топору. Рин легко ушел от широкого взмаха и ткнул мечом разбойнику в гортань. Грабитель захрипел и осел в пыль беспомощной тушей.

– Взять его! – снова завизжал вожак и тут же осекся. Труп его сообщника вспыхнул колдовским пламенем и с шипением начал обращаться в пепел. Погань торопилась принять жертву.

Рин прихватил полой плаща острие меча и оглянулся. На крыльце ближайшей харчевни стоял как будто кто-то знакомый – невысокий человеку мечом громко насвистывал, похлопывая клинком по сапогу. Остановившиеся в стороне разбойники исчезли между хибарами.

– Взять его! Грязные скоты! – не унимался вожак, отползая в сторону.

Рин прищурился, но человек перестал свистеть, и ощущение знакомства рассеялось. К тому же сумрак, почти сотня шагов и тень от навеса над крыльцом не позволили разглядеть вольного или невольного помощника. Олфейн прижал руку к груди, незнакомец кивнул и скрылся за дверью.

– Что с тобой делать? – спросил Рин скулящего вожака. Наверное, тот и в темноте сумел разглядеть сомнение в глазах несостоявшейся жертвы: не следует ли ему расправиться и со вторым врагом, – потому что замолчал и судорожно пополз в придорожный бурьян.

Рин развернулся и пошел дальше.

Когда он вышел на перекресток, Поганка за спиной почти скрылась во тьме. Сотню шагов назад, едва бурьян по краям дороги начал обращаться в крученые колючки поганской травы-листовертки, подул ветер, и перед Рином поднялась стена огня.

«Пламенная погибель, здесь, за половину лиги до Погани!» – с ужасом подумал молодой Олфейн, потому как по рассказам охотников знал: стена не огненный вихрь, она идет куда хочет, часто поперек ветра и не жалуется ни клейменых ветеранов, ни необстрелянную зелень, и спасения от нее нет. Были, правда, способы выжить: накрыться свежесодранной шкурой желтого волка или смоченной кровью тканью, молиться Единому об избавлении от смертельной напасти или положиться на быстроту ног.

Рин не сумел совершить ничего. Он замер в ужасе и, когда стена разорвалась на части за пару шагов до него, не сразу смог не только отдышаться, но даже двинуться с места. Лишь через минуту Рин судорожно вдохнул и двинулся туда, где в лунном свете казался почти белым нужный ему перекресток.

Две дороги встретились под ногами молодого Олфейна. Та, по которой он пришел, и та, которая огибала Айсу с юга и вела к Погани с другого берега реки, рассекавшей город и городской холм, как мог бы рассечь краюху хлеба кривой нож. Две дороги встретились под ногами последнего отпрыска древнейшего рода Айсы, чтобы, соединившись, уйти нахоженным трактом в пепельную тьму Погани. На четырех перекрестках горожанин мог воззвать к милости или суду Айсы – у Водяной башни, у магистрата, у Северной башни и здесь. Правда, кто его мог услышать здесь?

Рин остановился и вытер со лба липкий пот. Чуть слышный удар колокола возвестил, что нужный ему час настал. Боясь опоздать и морщась от невыносимой головной боли, Олфейн встал в центр перекрестка, воткнул в пережженную землю и вправду зазубренный меч, задумался на мгновение и стиснул пальцами виски. Под пальцами заискрился иней, над дорогой неведомо откуда закружились снежинки, но только когда по запястьям побежала к локтям талая вода, Рин вздрогнул и опустил руки. Головная боль, мучившая его, немного утихла. Парень с облегчением выдохнул и замер, прикрыв глаза. Его выдох улетел во тьму и вернулся порывом ветра, словно ответно выдохнул невидимый, присыпанный мертвой землей великан.

Порыв ветра как будто вернул Олфейну силы. Загоняя меч плотнее в грунт, он ударил кулаком по рукояти, на оголовке которой был выгравирован магистерский герб, вытащил из болтающейся под плащом холщовой сумки огарок толстой свечи и насадил его на гравировку. Еще секунды ушли на то, чтобы извлечь из той же сумки огниво, выцарапать из деревянной коробки трут и, сбивая пальцы, осыпать его искрами. Наконец пахло дымом, язычок пламени задержался, зашипел, переполз на завиток фитиля, задрожал. Ветер пожалел народившийся огонек, и вот уже свеча замерцала, не достигая слабым светом даже дорожной пыли. Рин торопливо побросал огненную утварь обратно, опустил на колени, сложил ладони у подбородка и напряженно вздохнул.

Огонь свечи взметнулся, но не погас, а, потрескивая, загорелся еще ярче. Рин поежился и решительно провел большим пальцем по лезвию. Черные капли вздулись на разрезе почти мгновенно и побежали по клинку вниз, к земле.

Олфейн удовлетворенно кивнул и оглянулся. Пока все шло так, как должно было. Город за его спиной на фоне серого ночного неба казался далекой грудой уснувшего камня. Степь по левую руку ошетичилась колючкой. Справа лежала дорога, уходящая к восточному мосту через Иску, а впереди багровыми сполохами озарялась Погань, словно где-то у горизонта буй-

ствовала гроза или горели несуществующие леса. Чувствуя, как дрожь охватывает все тело, Рин вытянул над свечой руку и уронил в огонь каплю крови.

– Прими жертву, Хозяйка Погани! – иступленно прошептал Олфейн. – Дай мне неистовость и храбрость, которую ты даешь клейменым! Возьми меня под свое покровительство! Отметь меня знаком!..

Меч вспыхнул, едва он произнес последнее слово. Огонь побежал по гарде и клинку так, словно Рин облил металл ламповым маслом. Олфейн вздрогнул и сунул руку в пламя, но уже в следующее мгновение боль ясно дала ему понять, что и в этот раз Хозяйка Погани не принимает его жертвы.

– Но почему?! – вскричал Рин Олфейн, прижимая обожженную руку к груди.

Тишина была ему ответом. Только потрескивал огонь, пожирая клинок, который пылал, словно меч рода Олфейна был не выкован в кузне, а вырезан из смолистого полена. Ужас охватил сердце парня.

«Костер, нужен костер!» – зашептали пересохшие губы. Путаясь пальцами в узлах, Рин сбросил с плеч плащ и отправил его в огонь. Стянул с головы колпак и тоже бросил его в пламя. И полотняный пояс скормил огню. Надергал стеблей колючки, уже не чувствуя боли даже в обожженной руке. Опустился на колени у взметнувшегося пламени, зажмурился и принялся торопливо бормотать то ли заклинания, то ли молитвы.

Он причитал бы еще долго, если бы вдруг не услышал шаги. Легкие, редкие шаги, словно кто-то не то едва ковылял в его сторону, не то переступал с ноги на ногу, не двигаясь с места.

Олфейн замер, прикусил задрожавшую губу и почти сразу над истлевающими угольками костра разглядел силуэт незнакомца, приближавшегося со стороны Погани. Сначала ему показалось, что над плечами неизвестного торчат рога или шипы невидимых крыльев. Рин похолодел от ужаса, но вскоре разглядел рукояти мечей. Он еще успел удивиться столь странному способу переноски оружия, затем различил лохмотья плаща, блеск какого-то странного доспеха и третий меч, болтающийся на поясе незнакомца и чиркающий ножнами по земле.

– Охотник! – радостно прошептал Рин, коснулся лбом дорожной пыли и торжественно произнес затверженные слова.

Незнакомец замер в пяти шагах, но ни единым жестом не дал знать, что слышит обращенную к нему просьбу. Рин бросил взгляд на лицо охотника. Оно было затянато тканью, но глаза незнакомца поверх повязки смотрели в глаза Олфейна. Смотрели внимательно и неотрывно, но отчего-то казались безжизненными, словно на парня смотрела сама смерть. Или все дело было в глубокой тени и ввалившихся глазницах?

Юноша перевел дыхание и успел произнести положенное обращение еще раз, когда незнакомец наконец шевельнулся и едва слышно спросил:

– Просить? Рука? Помощь? Опекать? Не понимать...

Рин не разобрал его голос, потому что голоса не было.

Он даже не назвал бы услышанное шепотом. Это был едва различимый шорох. Верно, так бы разговаривал умирающий, если бы дух его прощался с плотью словами, но сейчас думать об этом молодой Олфейн не мог. Он радостно закивал и, не вставая с колен, рванул ворот, сдернул с тонкого шнурка желтый перстень с белым камнем и вытянул его перед собой, торопливо подбирая слова полузабытого языка, пригодного ныне только для молитв.

– Да! Мне нужен опекун. Если ты согласен стать опекуном и покровителем дома Олфейнов хотя бы на год, надень перстень магистра.

– Перстень?.. – недоуменно спросил незнакомец, странно коверкая слово, и медленно протянул руку: – Помощь?..

– Ведь ты клейменный, да?..

Задыхаясь от волнения, Рин коснулся руки незнакомца и разглядел не одну отметину колдовского пламени – несколько. Они оплетали руку не только у запястья, а уходили поло-

сами под рукав. Рин судорожно выдохнул и, с трудом скрывая охвативший его восторг, надел сверкнувший наговором перстень на странно тонкий палец. Покрытая ожогами рука дрогнула, и Олфейн замер: вдруг не охотник, а сама Хозяйка Погани все-таки вышла к нему навстречу? И, подчиняясь необъяснимому желанию, не выпуская из ладоней тонкую, обожженную, испаряющую ладонь, Рин зажмурился и вновь заставил затанцевать под пальцами иней.

Проверенное колдовство не удалось. В ладонях у Олфейна что-то вспыхнуло, и волна света мгновенно охватила ладонь незнакомца, скользнула под его одежду, накрыла лицо, вторую руку, захлестнула все тело и нестерпимо засияла, заставив Рина зажмуриться. Где-то в отдалении зародился крик, но не прозвучал, а обратился порывом ветра, который облизал лицо и руки Олфейна нестерпимым жаром.

В то же самое мгновение Рин почувствовал огромное облегчение, словно весь огромный каменный холм Айсы свалился с его плеч! Слабость охватила его, руки и ноги задрожали, словно он только что завершил непрерывный путь длиной в тысячу лиг, но сердце его пело от легкости и полета!

Вот только незнакомец выдохнул и повалился навзничь, обратившись в темное и безжизненное тело. Еще не понимая произошедшего, преодолевая бессилие и одновременно глупо улыбаясь, Рин потянулся к откинутой руке найденного опекуна и почувствовал, что тот умирает. Может быть, он еще не взшел на порог смерти, но смерть начала затягивать на его горле смертный плащ.

«А, может быть, ты и есть Хозяйка Погани? – промелькнула шальная мысль. – Камрет говорил, что она не любит холода... Но разве может повелительница пламени сама страдать от ожогов?»

Рин метнулся вперед и наклонился к закованной в закопченную сталь груди. Сердце незнакомца едва билось, дыхание трепетало подобно тлеющему огню, руки были холодными, а лоб даже сквозь ткань пылал пламенем. Рин провел пальцами по мерцающему на тонком запястье отпечатку его собственных пальцев и решительно взялся за обе руки только что обретенного опекуна. Времени на раздумья не оставалось. Сил на ворожбу не было, сумеет Рин даже подняться на ноги, он не прошел бы и десятка шагов, но и другого выбора, кроме как вытаскивать незнакомца из-за смертной черты, – не было тоже.

Глава 2

АЙСА

Вольного города не должно было существовать. А уж если он вопреки воле Единого или вследствие его недосмотра случился, то должен был подчиняться ближайшему королю или, на худой конец, какому-нибудь воеводе, что конечно же мгновенно и справедливо умалило бы исконные айские вольности. Именно так считали многочисленные скамские короли, орлинги тарсов, вожаки вельтов, таны айгов и шиллов и прочие с той или иной степенью справедливости коронованные правители обитаемых земель. Правда, считать-то они считали, но так и не смогли вынудить «айских наглецов» оплатить хоть один из счетов, коих было предъявлено к оплате предостаточно.

За столетия Айса отразила не один набег охочих до чужого богатства дружин и собиралась отразить не меньшее количество будущих посягательств. Тому способствовали высокие городские стены, немалой ценой обретенные вольности горожан, и не только возможное покровительство Единого, которому горожане, будь они хоть тысячу раз грешниками, в конце концов воздвигли величественный храм, но и покровительство самой Погани, которая издревле защищала неуступчивое поселение не хуже высоких стен и острых стрел, и не только подобно воде, прикрывающей толщей своей уединенные острова.

Впрочем, Погань плату за помощь брала соответствующую. Хотя, как говорил старый болтун, гуляка и пьяница Камрет, не все сказанное – правда, а что правда, не все лучше лжи. Именно Камрет рассказал Рину Олфейну в пору его восторженного мальчишества историю Айсы.

– Не было в стародавние времена никакого города на этом холме, – бурчал старик, шурясь в сторону распахнувшего удивленные глаза маленького Рина. – Не было никакого города, только башня Водяная стояла, как и теперь стоит. Деревенька из одной хижины да полуобрушенные стены то ли дворца, то ли крепостенки какой над холмом высились. О них давно слухи ходили, будто жил некогда на холме злой колдун, да только никто и приблизиться к его жилищу не мог. Забрели в давние времена редкие смельчаки в эти края, выглядывали издали башню, развалины, но близко не подходили. С другой стороны, как тут подойдешь, если раньше Погань айский холм и с севера охватывала, и с запада, да и южная топь – Гниль, куда страшнее была? Уж на что Пуца ужасами полнится, но даже от нее до холма нужно было с десяток лиг по избыткам Погани идти. Пуца лишь сотни две лет назад к городу подобралась. Теперь-то первые деревья сразу за Диким поселком встают, а раньше Погань со всех сторон стояла, и в нее прежде соваться куда страшнее считалось. Не было раньше клейменных, что ночами теперь почти без страха по Погани шастают. Зверя поганого бьют, иглы огненные щиплют, руду долбят. Раньше всякий собственным страхом клеймился. Да-да, и начинал, как водится, со штанов.

– Откуда же город взялся? – торопил старика маленький Рин. – И почему он Айсой прозывается, и почему...

– Цыц, торопыга! – обрывал нетерпеливого мальчика Камрет и так же степенно продолжал: – Откуда развалины и Водяная башня взялись, то отдельная присказка. Был ли тут колдун или не был, о том говорить без толку, хотя язык у каждого второго на ту сторону чешется. Ты еще спроси, откуда Погань на тутошних землях распласталась. И не пересказывай мне храмовые бредни! Сразу скажу, хочешь о Погани разузнать, подрасти да в Темный двор обращайся. Это колдуны темноворские камни Айсы облизывают и в Погань не за добычей, а за черепками и железками охотников посылают. Вот они, может, и раскопали чего, а я тебе лучше нынешнюю историю расскажу. Прямо с твоего, Рин, предка и начну. Наперво тебе, парень, признаюсь,

не княжеского ты рода и не королевского. Не вздумай даже возмущаться и сразу выброси из головы все эти городские рассказы про десять могучих воинов, что победили на этом холме страшного огненного зверя или того самого колдуна и положили начало десяти магистерским родам Айсы. И колдуна тут никакого уж не было, и со зверем известная натяжка выходит, хотя в Темном дворе Хозяйку Погани в былые времена, да и теперь, иначе как «огненным зверем» не величали никогда. И воинов никаких не наблюдалось, а очутились тут беглые да выкупленные простолюдины. С другой стороны, кто их знает, были среди них отпрыски знати или нет? Да и мнится мне, что какого королька или княжича ни ковырни, рано или поздно выковырнешь обычного селянина, который, надо заметить, мог оказаться корольком и по случайности, и даже вовсе из-за какой-нибудь ерунды!

Точно так же и всякий простолюдин вполне может оказаться потомком какой-нибудь важной персоны. Когда ветер дует, семя далеко разлетается, а где примется, одному Единому известно. Опять же запомни: если ковш в бадье по дну чиркает, вовсе не значит, что тебе уже все речные и морские глубины подвластны и изучены. Так или иначе, но был твой предок, парень, обычным рабом без права и имущества. Уж не знаю, как там у него приключилось, без малого тысяча лет уж минула или больше, но впал он в немилость у своего хозяина. Или украл он что, или в рот не тот кусок кинул, или на бабу какую без должного почтения глянул. Знаешь, нынешние времена не сладки, а в стародавнее время деньки и погорше случались. Посекли твоему предку спину так, что мясо с костей слезать начало. Посекли да к знахарю отнесли, чтобы подлечить, и ту же забаву продолжить. Тот предка твоего в чувство привел, врачевать начал, потому как и сам права над собой собственного не имел, но посоветовал бежать, покуда хозяин вовсе несчастного в пыль не перемолол. А бежать-то особенно некуда было. Погань и в ту пору полмира занимала, ходу в нее не было никакого, о клеймении тогда слыхом не слыхивали, да и в прочие стороны прибытку искать не следовало.

В Дикие земли на юг идти, так степные племена чужеземцев и теперь не любят. Они их и раньше-то не жаловали, ничего, кроме рабской же участи, не предлагали. На запад уходить – тоже выгоды нет, всех беглых с запада в Скаму же возвращали. На север – не всякий выдюжит северную жизнь, если еще прижиться удастся. Одна дорога оставалась – в Пущу. Она как раз по течению Иски лежала, где и теперь лежит, как прослойка между Скамой и Поганью. Поко-рячился, правда, бедолага, мол, Пущи не только охотники, но и воинства скамские опасаются, да только никакие корчи страшнее предстоящей казни быть не могли. Выждал парень, когда забрали его в людскую от знахаря, прикинулся все еще слабым, чтобы в железо не заковали, и первой же ночью бежал. Ума-то большого на побег не надо было: запасай сухих корок да зерна, которыми скот кормят, в горшок отсыпь, садись в лодку, толкайся от берега и моли Единого, чтобы тебя на порогах вместе с лодкой в щепу не перемололо. Успеешь до Пущи добраться, а там уж никто тебя искать не будет, если только сам выживешь да нос наружу из чащи высунешь.

– А Пуща-то чем страшна о ту пору была? – робко спрашивал Рин.

– А чем и теперь, – морщился Камрет. – Дикий лес он дикий и есть. Дорога-то и теперь южнее Иски к западу идет, а к северу от реки до самого моря чащи такие, не то что ноги переломаешь, оставишь их на пропитание таким тварям, что в страшном сне тебе не снились! Опять же колдовство какое-то меж стволов таится, лесовики, что в самой Пуще в деревьях живут, и то его страшатся. Одно тебе скажу, старики говорили, что Пуща – это как перехлест нормальных земель с Поганью. Так уж выходит, что пакость – все одно, будто умножилась там. Хотя опять же и в Пуще люди живут. Так и сладилось: лесовики на нас дивятся, что мы между Поганью и Гнилью выживаем, не задыхаемся, а мы их понять не можем, как же они с чащами ладят. Впрочем, ладно, не тни веревку на себя, дай рассказать, а то в другой раз и начинать не стану. Прошел твой предок милостью Единого пороги, да только такого страху нагнал на него знахарь, что вовсе несчастный из лодки выходить отказался. И Скамы избыток в лодке прошел, и край Диких земель в лодке же провалялся, а уж как Пуща началась, только и делал, что

сидел на дне, воду вычерпывал да зубами клацал. Особенно когда деревья чуть не до облаков поднялись, над рекой наклонились, и так ветвями сплелись, что ночь от дня отличить невозможно. Забыл уж тут беглец про мучения бывшие, потому как будущие страшнее страшного ему показались. Однако мучения мучениями, но пообвыкся он постепенно к речной жизни, рыбу из речки таскать научился, хотя напряга насчет рыбалки особого не испытал. Не больно-то рыбаков на Иске тогда было, зато рыбы – весло в воду не вставишь! Так или иначе, решил он плыть, куда Пуща не иссякнет. Долго плыл, недели три или больше, пока плывун его не иссяк. Проснулся как-то от шума и водяного рева. Оглянулся – вокруг стены каменные, а над головой полоска неба. Видишь, не заметил, как Пуща на нет сошла, край Погани кончился, а только в айском ущелье, когда еще и Айсы никакой не было, в себя пришел или из себя вышел, то мне неведомо, но верно приучил хозяин бывшего раба к испытаниям, потому как многие из Скамы в лодках бежали, но вернулся обратно только твой предок, Рин.

– Это куда же он вернулся? – не понял младший Олфейн.

– Цыц, неугомонный! – снова рывкнул Камрет. – Успеешь еще услышать! Беглец наш еще от ужаса в пропасти гнется, а ты про возвращение лепишь! На чем я остановился?

– Шум его разбудил, – робко пролепетал Рин.

– Вот! – крикнул Камрет. – О том и речь. Шум. А когда шум этот достиг такой силы, что уже в глазах у бедняги помутилось, он с лодки и спрыгнул.

– В воду? – не поверил Рин. – В самой пропасти? А как же Мертвая яма у Водяной башни? Неужели погиб? А как его звали?..

– Олфейном его звали, – запыхтел Камрет. – И убей меня демон, если его имя значит что-нибудь приличное, хотя смысл из него за сотни лет выветрился безвозвратно. Во всяком случае, всякий возможный смысл выветрился из головы одного потомка этого самого Олфейна. Вот скажи мне, парень, откуда бы ты взялся, если бы предок твой погиб? А?.. То-то! Не погиб он. Верно, Единый услышал его мольбу или нить судьбы его так захлестнула, но выжил Олфейн. Вместо того чтобы в Мертвой яме погибнуть, которая под Водяной башней бурлит, и где лодка его сгнула, на парапет он упал. Да-да, тот самый, с которого вы с приятелями по малолетней дурости рыбу пытались ловить.

– И что же дальше? – Рин зажмурился, представляя сырые темные коридоры подземелий Водяной башни, скользкие ступени и бурлящий в каменном мешке водоворот.

– Ничего, – буркнул Камрет. – Очнулся твой предок через пару дней. В мягкой кровати в себя пришел.

– Здесь на холме? – воскликнул Рин.

– Нет, в живодерне у своего хозяина! – обозлился Камрет. – Отыскался добрый человек. Нашел несостоявшегося утопленника, принес в свою лачугу и выходил беднягу.

– Подожди! – воскликнул Рин. – Откуда же тут, на холме, взялся человек, если, как ты сам говоришь, Погань холм со всех сторон тогда охватывала?

– Не знаю, – недовольно пробурчал Камрет, украдкой вытащил из-под засаленного манжета камзола пучок огненных игл, заложил их в правую ноздрю и шумно втянул воздух. – Я, как ты должен понимать, родился несколько позже, да и вообще пришлый я. Что разузнал, то и говорю. Дед твой кое-что рассказывал. Я тогда только попал в Айсу, по первости ключником в вашем доме обретался. Так вот твой дед любил у камина потянуть горячего вина из кубка, а отец твой сызмальства предпочитал острую сталь длинным разговорам, так что был я единственным слушателем в этом доме.

Камрет вздохнул на висках седые космы и продолжил, полускрыв глаза:

– В ветхой хижине пришел в себя твой предок. А лечил его древний старик, скрюченный, как закопченный на углях рыбец. Потом уже Олфейн обошел весь холм, даже в Погань пытался прогуляться. Полазил и по развалинам, и по Водяной башне, подивился, как старик умудряется выращивать на почти бесплодных камнях овощи, походил за козами, нашел и несколько

десятков могил, выдолбленных в камне. Тогда старик его и просветил. Пошел вдоль каменных надгробий, стал читать письма на них выбитые и рассказывать: это мой отец, это моя мать. Это отец моего отца. Это мой дед. Это дед моего деда. Это брат моего прадеда. Это моя прапрабабка... Так все могилы и обошел, а у последней сказал, что захоронен в ней слуга хозяина холма. Называется сей холм Айса, и придется теперь Олфейну вставать под руку хозяина холма, потому как на старике род айских хранителей иссякает, и верно Единый послал к Водяной башне молодого парня, чтобы службу продолжить до тех самых пор, пока хозяин холма не вернется. Хозяин холма, а никакой не злой колдун!

– Ну об этом всякий знает, – надул губы Рин. – В Храме говорят, что сам Единый посещал айский холм и вернется однажды! И будет тогда знамение, и избудется то, что кажется неизбывным, и истратится Погань, как тратится хворост в зимней печи. Вот только какое знамение – неведомо...

– Знать и понимать – не одно и то же, – наставительно заявил Камрет. – Эти присказки, что жрецы Единого в Храме талдычат, и для них самих уже давно в пустые слова обратились. Им бы только ярлыки на колдовство раздавать да послушание на тех, что побойчей и половчей, накладывать! Думают, что если накрыли своим Храмом ту самую хижину и могильники, если раскинули храмовую площадь поверх бывшего поля, так истину сумой накрыли? Ты одно знай, парень: что бы кто ни говорил, а слугой хозяина этого холма, пусть он хоть на веки вечные удалился и не вернется вообще никогда, ты считаешься! Ты и дети твои. Или не говорил тебе отец ничего?

– Говорил! – восторженно кивнул Рин. – Он ведь старшим над всеми магистрами числится? Так и сказал, мол, ты, Рин, весь оголовок рода хранителей. Правда, что я хранить должен, не объяснил. Только и объяснил, что служество служеству рознь. И что наша служба сродни службе великого воина при дворе великого короля! А кто он был, тот хозяин?

– Кто он был? – хохотнул Камрет и громко высморкался, вытирая пальцы о масляно блестящие порты. – Ну насчет короля я сомневаюсь, конечно. А так-то кто его знает? Тут разные думки ходят. Старик тот недолго протянул, помер, еще когда Олфейн не вполне здоровым хаживал. Правда, перед смертью заставил его вызубрить все имена на плитах. Заодно и языку своему обучил, на котором, как оказалось, храмовники до сего дня службу ведут. Да и ты именно на нем свитки с пергаменами читаешь. А потом приволок целую корзину кристаллов! Того самого чудесного льда, за счет которого наш город поднялся.

– Так что же это за кристаллы? – воскликнул Рин. – Ведь ледяные они! Почему же не тают тогда? Вот зимой лед на окнах намерзает, а возьмешь его в руки, он тут же водой обращается. А эти кристаллы, что по подвалам и штольням растут, те же ледышки, также руки жгут, но не тают. Отчего же?

– Не простой это лед, – вздохнул Камрет. – Хотя вроде как настоящий. По всему выходит, что хозяин Айсы был или великим магом (магом, а не каким-то там колдуном!), или вправду чуть ли не самим Единым. Уж, по крайней мере, его родственником или приятелем точно! Недаром за каждый кристалл в королевствах меру золота дают. Я слышал, что некоторые богачи в напитки кристаллы бросают, чтобы в жару питье охладить. Но это все равно что подметки к сапогам золотыми гвоздями прибивать. Другие в оправу эти кристаллы заключают и носят. А мудрейшие умудряются их растапливать. Но не ради озорства – по нужде, ибо таятся внутри этих кристаллов силы немыслимые. Это здесь, в Айсе, они Погань в отдалении сдерживают и никакой другой пользы не приносят, а отъедешь куда подальше, там они для любой магии – первейшее средство! Говорят, что кристалл величиной с кулак способен заставить вскипеть воду в Иске на сотню шагов вдоль русла!

– Да разве бывают такие, с кулак-то? – усомнился Рин.

– Насчет кулака не скажу, а камешек с ноготь мизинца может любое колдовство оживить, пусть даже заклинание неуч или школяр плетет, который собственной силы и на сотую часть

от собственной дурости не имеет! Но об этом опять же в Темном дворе лучше знают, а я тебе одно скажу: Погань и Айса связаны между собой, как стылое зимнее небо и жаркое солнце в нем. Занеси с холода в дом меч, и ты увидишь, как капли росы выступят на железе. Так и кристаллы. Оглянись, Погань вокруг, всякого она может по разумению своему испепелить, а на холме силы не имеет, если только мертвого или смертельно раненного прибрать. Вот от бессилия этого поганого и силы хозяина Айсы рождаются кристаллы льда, который не тает!

– А что такое Погань, Камрет? – робко спросил Рин. – Только не посылай меня в Темный двор о Погани спрашивать. Туда детям хода нет, да и взрослые не больно к темноворским колдунам в гости рвутся... Что такое Погань? Ведь по жару-то своему Погань на солнце похжей кажется, а Айса как раз стылым зимним небом представляется! Неужто, солнце – беда, а зима холодная – благо?

Замолчал старик, новую щепоть огненных игл в нос отправил, правда, уже в другую ноздрю, поморщился и о предке Олфейна разговор продолжил, словно и не слышал вопроса о Погани:

– Обжился тут Олфейн. Ловил рыбу и плавник для очага в Иске. Сберегал коз и овощи на крохотном огорожке. Собирал кристаллы на верхушке холма. Даже отметил камнями пределы, за которыми они не появляются никогда. Потом по этим меткам главную городскую стену подняли. Облазил развалины, прикинул, как бы можно было здание каменное восстановить, а через два года двинулся обратно в Скаму.

– Зачем же? – вытаращил глаза Рин.

– Человек – словно дерево, – пожал плечами Камрет. – Конечно, дерево может и на кособоре подняться, но там его ветер крючит, мороз кору лупит, солнце листву жжет. А в лесу совсем другое дело – тут тебе и тень, и от жары защита, и от ветра ледяного, даже сухие деревья и те не сразу падают. Порой годами мертвые стоят, кронами со здоровыми сцепившись. Вот и человеку плохо одному. Поэтому и пошел Олфейн в Скаму. Как он через Пуцу перебрался, то мне неизвестно. Как сумел первые кристаллы сбыть – тоже неведомо. Но появился он в своей родной деревне богачом. Его и не признали сперва. Только когда он по всей округе скупил больше сотни рабов и вывез их на край Диких земель, только тогда открылся. И предложил бывшим землякам свободу. Или опасную вольную долю между дикими племенами и ненавистной Скамой, или новую жизнь в далекой стороне. Надо сказать, не все согласились идти с обозом через Пуцу, да еще в сторону ужасной Погани. Даже богатство Олфейна их не прельстило. Тех, кто не согласился, Олфейн отпустил. Осталось десятка два семей, считая самого Олфейна и девушку, которую он присмотрел. А добрались в итоге до холма только десять семей, которые и положили начало вольному городу.

– Десять семей – десять магистров!... – прошептал Рин.

– Именно так, – кивнул Камрет. – И отец твой – старший из них, потому и камень в перстне у него не черный, а белый. Перстни-то эти тоже непростые: были в прошлые времена маги, не избалованные еще заговоренным льдом, которые умели подобные штучки сотворять. Это теперь они повывелись! А тогда-то многие из них с годами перебрались на здешний холм. Уж больно их все, что на холме и вокруг творилось, интересовало! Так и получился из них тот самый Темный двор. Они же перстни смастерили магистерские. Правда, мастеров таких в Темном дворе нынче не осталось, да и тогда непросто такая работа сладилась. Еще бы, теперь незачем годами силу постигать – так, нахватался верхушек, кристаллик в приговор вставил, и вот уж ты чудотворец! А раньше... Да хоть и перстни эти! Их же просто так на палец не наденешь, если не суждено носить, а надевши – не снимешь уж! Хотя с таким богатством, как магический лед, твой предок мог в Айсе золотом крыши покрыть, не то что кольца диковинные сладить! В конце концов, и кольца эти только знак для магистрата, что каждый член его имеет право стоять во главе соответствующего магистерского дома Айсы. И если, когда магистры суд вершат, голоса поровну делятся, то голос отца тяжелее прочих идет. Даже настоятель Храма

только советы может давать, а голоса не имеет. Поэтому должен ты, парень, к такой же доле готовиться.

– Отец то же самое говорит, – закивал Рин и добавил: – Но мал я еще. Пока и клеймение не прошел... А о Погани расскажешь? А то ты словно глухим прикидываешься, когда я о ней заговариваю! Откуда она? Храмовники говорят, что от гнева Единого, Шарб-звонарь Зверя поминает, а мальчишки что-то о Хозяйке Погани тараторят. Правда, что она до сих пор по улицам Айсы ночами бродит? А кто ее узнает, тот, с клеймом или без, на месте в факел обращается? А почему клеймо ставят в Кривой часовне? И как колдовской огонь в ней на голом камне пылает?..

– Пылает, – согласился Камрет и задумался. – Но это уже вовсе другая присказка.

– А о восстановлении дворца, в котором теперь магистрат обретается, расскажешь? – заныл Рин. – О том, как дорогу прорубали через Пущу? Как со всей Скамы всякий убогий пытался в Айсу сбежать? Как скамские да иные короли пытались город взять? Про то, как не осилили защитников Айсы и заключили торговый союз с ней? Про то, как храмовники Храм свой строили? Что творится за стенами Темного двора теперь? Ведь служил ты при дворе, Камрет, служил! Отчего маги Темного двора всю власть по колдовству Храму отдали? Про Погань расскажешь? Что молчишь-то? Она-то откуда взялась?..

– Все оттуда, – задрал глаза к темному потолку Камрет, очнувшийся от нахлынувших раздумий. – Все от Единого. И дождь живительный, и ливень беспощадный. Не от зла небесного, а от естества его и от страданий наших. Все от естества, только естество на части делится и среди тех частей много чего есть, но одна горит ярче прочих. Это боль, парень!.. Так вот Погань от боли. И что там внутри ее – Зверь или Хозяйка какая, или то и другое в одном облике – дело-то последнее. Главное – боль. А боль – это кара. Значит, и Погань – кара! Только не спрашивай меня, за что эта кара и на чью голову она послана. Ни на чью! Срослось так, и пока не вырубешь, не разберешься, отчего побег судьбы так сплело да перемотало. Когда в Пуще обозы дорогу прожигали, они деревья в уголь обращали, до мелкой лесной живности поджигателям и дела не было, а ведь для твари насекомой всякий костерок что твоя Погань!

– Так след от костерка в полгода травой забивается! – шмыгнул носом Рин.

– От костерка – да, – хмыкнул Камрет. – А если костерок за горизонт раскинулся?.. Не думаешь, что для такого кострового наши полгода равны десятой части от мига его жизни? Вот так-то, парень... А все прочие твои расспросы от скудности твоей юношеской происходят. Не засыпай многими вопросами ни мудреца, ни дурака, потому как во всякий миг у тебя должен быть только один вопрос, на который ты ответа добиваться и должен!

– Есть у меня такой вопрос! – шумно выдохнул Рин. – Что за тени ходят вокруг меня и днем и ночью? Никто их не видит, только кошка наш вздрагивает, да усы топорщит, а некоторые из теней я уже узнавать стал! Вот и теперь прямо за спиной твоей женщина какая-то стоит, Камрет. Стоит, словно сказать что хочет, а вымолвить ни слова не может!

– Я знаю, Рин, – вздохнул Камрет, опустив плечи. – И след у нее поперек лица, словно молния его рассекла...

– Ты тоже видишь?! – удивленно прошептал Рин.

– Да, парень, – качнул головой Камрет. – А ведь это мать твоя, парень. Помню я ее, помню. Только ответить на твой вопрос не могу... Но ничего, подскажу тебе, как с видениями твоими справиться, подскажу, не обижу. Есть у меня тонкое колечко с наговором...

Глава 3

ХАКЛИК И ДЖЕЙСА

Рин проснулся от боли. Боль начиналась в больших пальцах ног, натягивалась стальной бечевой в коленях, выжигала переднюю поверхность бедер вплоть до живота, ползла к поясу и, пронзая сердце, впивалась в затылок. Она была знакома. Десятки раз он точно так же выбирался из-под нее после безрезультатных попыток исцелить отца.

Парень шевельнулся и, не открывая глаз, начал освобождаться от недуга, расталкивая его в стороны, как липкую паутину, опутывающую тело и проникшую внутрь. Сначала выпрямил ноги и потянул на себя носки, затем глубоко выдохнул и тут же прижал подбородок к груди, выгнулся вперед, пока боль не лопнула, хлестнув его по затылку. Слезы выступили на глазах, заломило в висках и в горле, появился вкус крови на языке. Сдержав стон, Рин потянулся к шее, убедился, что шнура с перстнем нет, шмыгнул носом, проглотил комок, застрявший в горле, и открыл глаза.

Он лежал в собственной, напоминающей пустой каменный ящик комнате, но падающий через узкое окно бледный свет не позволил ему угадать, утро или вечер накатывает на город. С трудом сев, Рин прижался спиной к единственному украшению стены – потертой шкуре желтого волка, подтянул ноги под себя и закутался в ветхое одеяло.

Обретенная перед забытьем странная легкость не исчезла, но сместилась куда-то в желудок и мучила голодом. Вдобавок изможденное тело пробивала холодная дрожь. Одежда лежала на потемневшей от времени скамье, тут же стоял кувшин с водой и торчал из высверленного в деревяшке отверстия меч.

Рин долго рассматривал влажные пятна на боку кувшина, затем замотанную тряпицей собственную руку, наконец пересилил слабость и опустил ноги на каменный пол. К горлу подступила уже привычная тошнота, перед глазами закружились мерцающие круги. Даже здесь, почти в центре Айсы, доставала Погань неклеяменого. Или же не в Погани было дело, а в том, что с того самого дня, когда, подойдя в ряду сверстников к пламени в Кривой часовне, Рин получил ожог вместо посвящения, нет ему ни покоя, ни радости? И не оттого ли отец его умер раньше срока?..

Вряд ли. Выгорело у него что-то внутри за долгие годы, вот и умер. А выгорать начало, когда он жены лишился. Давно уже, очень давно. Тогда еще Рин, по рассказам Хаклика, едва ходить начал. Так и сгорал Род Олфейн заживо, пока не свалился с высохшего пальца перстень. Загremел по каменному полу, закатился под тяжелую кровать, а пока Рин поднимал его да возникший в кольце крест, перегородивший путь для пальца, рассматривал, отец в кучу пепла и обратился. Даже губы не к чему оказалось приложить.

Отчего же не поддалась его хворь Рину? Сколько раз он терял сознание у ложа отца, а все без толку!..

Вода в кувшине оказалась не только холодной, но и вкусной. Листья лимонника плавали в питье не просто так. Рин поставил кувшин и, с трудом распутывая шнуровку, начал одеваться, не спуская глаз с меча. Меч был чужим. Пустые ножны от сгоревшего родового меча Олфейнов лежали рядом.

– Проснулся? – раздался от двери скрипучий голос.

– Как видишь, Хаклик, – пробормотал Рин, пытаясь унять дрожь в пальцах.

Старый слуга присел на скамью, взял в руки жилет и стал помогать распутывать завязки.

– Эти вельты ни демона не смыслят в айской одежде, – пробурчал старик, поблескивая лысиной и надувая обрюзгшие, с фиолетовыми прожилками щеки. – А один из них наверняка украл твой плащ, пояс и колпак!

– Я не знаком ни с одним вельтом, – осторожно заметил Рин.

– Зато один из них знаком с тобой, – крикнул Хаклик. – Не помнишь здоровяка в пять локтей ростом с обожженной щекой и с рыжей бородой, широкой, как скребок уличного мусорщика?

– Нет! – удивленно признался Рин.

– Зато он отлично тебя помнит, – поджал губы старик. – Хотя что такое сутки для вельтского остолопа? Не поручусь, что он вспомнил к вечеру, где был с утра, вином от него пахло за десять шагов! В любом случае именно он притащил тебя вчера утром на тележке и, кстати, заметил, что твоя прогулка обошлась добрым людям в тридцать монет серебром. Я уж подумал, не завернул ли ты в какой трактир? Где у нас нынче добрые люди собираются?..

– Вчера?! – напрягся Рин. – И я провалялся все это время без чувств?

– Насчет чувств ничего не скажу, но храпел ты как здоровяк. – Слуга бросил жилет и спросил шепотом: – Что скажешь, молодой Олфейн? Как прогулялся? Вельт сказал, что Камрет хочет говорить с тобой.

– Это все? – Рин потянул на голову одежду.

– Жам из магистрата был вчера в полдень, вернул магистерский щит на дверь.

Хаклик опустил подрагивающие пальцы все еще сильных рук, одна из которых позапрошлой ночью удержала стенолаза на узком карнизе, на колени и уставился мутными глазами на хозяина, пытаясь поймать его взгляд.

– А дядя? – спросил Рин.

– Дядя? – усмехнулся слуга, неуклюже повернулся и, задрав рубаху, показал вздувшуюся красную полосу на спине. – Одно радует, стражникам на крыльце досталось еще крепче. Твой дядя снимал стражу, парень, пинками и зуботычинами, едва меч не выхватил. Я даже думал, не поискать ли на ступенях пару выбитых зубов, у меня-то во рту их почти совсем не осталось... А дядя заодно и по комнатам прошелся, даже в штольню спустился – опять искал что-то. Впрочем, нет там ничего – так, изморозь одна. Тебя пытался разбудить, так приложил о лавку, что я испугался, не пришиб ли он тебя! Ключ от ворот в Водяной башне забрал. Зачем он ему?.. Ворота те уж лет двести как не закрывались! Зубами от злости скрипел твой дядюшка, Рин. Я уж думал, что прибьет он меня, хотя ему и прибивать не нужно, словно наговор какой знает: посмотрит в глаза, и хотел бы чего скрыть, а все одно – не сумеешь! Жам его, правда, спугнул, хотя и сам испугался. Фейр, кстати, уже знал, что ты нашел опекуна, и непременно наведается еще раз, чтобы расспросить тебя о нем. Я сказал Фейру, что ты ходил к Грейну. Боюсь, что не поздоровится старику. Но, признаюсь, если бы я знал имя опекуна, то не смог бы утаить.

– Я тоже не знаю его, – признался Рин. – Мне пришлось нелегко ночью, добрый Хаклик, но я все сделал как надо, вот только имени спросить у опекуна не успел. Он вышел из Погани израненным, пришлось подлечить его и... силы оставили меня. Но, наверное, его имя знает Камрет? Жам-то уж точно должен знать! Иначе зачем бы он возвращал магистерский щит?

– Жам выглядел так, словно клеймил ночлежку, набитую клопами и бродягами, – показал головой Хаклик. – И головой вертел, будто боялся, что Фейр ему голову отшибет. А когда тот прошел мимо, Жам уж точно наложил в штаны. Уверен, что, если он хоть что-то знает, твой дядя уже знает не меньше. Надеюсь, твой опекун сможет за себя постоять? Лучше бы он сидел где-нибудь в глухом углу и не высовывался. Твоему дяде ничего не стоит натравить парочку головорезов на любого смельчака Айсы! Правда, раз в месяц опекуну все равно придется присутствовать на собраниях магистрата, и ближайшее – через два дня. Человек он хоть достойный?

– Пока могу точно сказать, что мой опекун не выше меня ростом и вряд ли намного сильнее, – пробормотал Рин. – Во всяком случае, пяти локтей в нем точно нет. Но он охотник, потому что пришел со стороны Погани.

– И ты поменялся с ним мечами? – спросил Хаклик, осторожно касаясь отполированной чужой рукой рукояти.

– Не знаю, – нахмурился Рин. – Но моего меча больше нет. Погань забрала его, Хаклик... И ничего не дала мне взамен!

– Нет меча с гербом магистра! – Слуга обескураженно надул щеки. – Старого меча, что был выкован не из самой лучшей стали. Клинок его подпортил твой дядюшка, но этим мечом гордился твой отец, потому что помнил рукопожатия твоих предков, парень, за последние две-сти лет. Теперь у тебя другой клинок... На нем нет никакого герба... Мне ведь его на бечеве за окно спустить пришлось, чтобы Фейр не унес или лезвие не покалечил. Ты думаешь, мы найдем деньги, чтобы заплатить оружейнику за новую рукоять? Хотя айский канон магистра не требует специального оружия...

– А ты думаешь, что мне еще придется клясться городу в верности на мече магистра? – горько усмехнулся Рин. – Клейма на моей руке все еще нет, а опекун не имеет права голоса, его задача только присутствовать в магистрате и хранить дом. Старшим среди магистров останется старший по возрасту, то есть седой Гардик. Так что меч магистра мне пока не нужен.

Слуга покачал головой и сцепил пальцы на коленях.

– Зато теперь у Фейра нет причин убивать меня! – Рин постарался придать голосу бодрость. – Теперь он должен оберегать меня, потому что если гибнет последний из рода, то права на дом перейдут к опекуну и его родственникам!

– Или к твоему прямому родственнику. А Фейр и есть твой родственник, единственный и весьма близкий! – заметил слуга. – Или ты думаешь, что Фейру неостанет наглости и решимости истребить твоего опекуна вместе со всей его родней?.. Я потушил овощи и испек лепешки. Поешь, прежде чем отправишься к Камрету... Да! И не ищи гуляку в его норе, иди к Северным воротам в вельтскую харчевню.

– Если Фейр убьет меня, магистром станет опекун, – отрезал Рин. – Если опекун будет убит... дальний родственник наследует имущество дома, но не магистрат! Конечно, если его не выберут магистром вследствие уменьшения их числа... Такое случалось лет пятьсот назад, но не с домом Олфейнов! К тому же ты забываешь, что Фейр станет убийцей! Не думаю, что он решится преступить законы города столь нагло.

– Фейр хитер... – поскущел Хаклик. – Если он решит кого-то убить, то найдет способ. Ему не обязательно размахивать мечом, хотя вряд ли кто в городе умеет это лучше его. Завтра или послезавтра его милостью расстанется с жизнью твой опекун, который не будет сожалеть об этом, потому что явно лишился разума, когда согласился на твое предложение. И потом уже никто не станет твоим опекуном!.. А еще твой дядя рано или поздно сможет протолкнуть через магистрат закон, что в случае смерти магистра и отсутствия прямых родственников, признанных Храмом и прошедших обряд клеймения, право магистрата переходит к дальним сразу, без всякого опекунства! Ну а до принятия такого закона ты еще поживешь, парень!.. Он многое может, Рин. Возможно, он даже не станет убивать тебя. Объявит сумасшедшим, обвинит в преступлении или в святотатстве, упрячет в темницу, из которой ты не выйдешь... И пока ты будешь разгребать и пережевывать вываленное на твою голову дерьмо, он завладеет не только домом, но и гербом!

– Для этого Фейр слишком нетерпелив. – Рин поднялся. – Я знаю, что ты не слишком добр к Камрету, Хаклик, но старик мудр, и он сказал мне совершенно точно: согласно древним законам Айсы, которые не знали ни клеймения, ни храмовых обетов, есть лишь один безоговорочный способ лишиться герба и права на магистрат – потерять его вместе с честью. Но для этого я должен оскорбить кого-то из магистров, чтобы заслужить вызов на поединок. Пролить кровь или оскорбить герб одного из домов! Ты можешь это себе представить? Клянусь Поганью, я все сделаю, чтобы этого не случилось!

– Многие на моей памяти сделали все, чтобы добиться весьма скромных целей, но не добились и малой их доли, – проворчал Хаклик. – К тому же не стоит клясться Поганью или еще какой мерзостью, потому как грош цена таким клятвам. Пусть даже Храм славит Погань так, что скоро мы будем возносить ей молитвы, как Единому!

– Просто сорвалось с языка, извини, – вздохнул Рин. – Грейн учил, что клясться не следует вовсе. Простые слова должны быть крепче любых клятв, а если они теряют цену, то ничего не стоят и клятвы, ибо они тоже состояются из слов. Эх, Хаклик! Когда умирал отец, я думал, что умирает всего лишь самый близкий мне человек, а когда он умер, оказалось, что умерло все. Ничего дорогого после смерти отца у меня не осталось.

– А твой дом, твоё имя? – надул губы слуга. – У тебя впереди еще вся жизнь! Прирастешь и дорогим, да еще таким дорогим, что потерять его будет дороже, чем расстаться с жизнью!

– Моя жизнь, как жизнь моего города. – Рин скрипнул зубами. – Тонкие стены и Погань вокруг.

– Здесь, в Айсе, твой дядя страшнее Погани, – сухо заметил Хаклик.

– Вот об этом я и отправлюсь поговорить к Камрету, – сказал Рин, рассматривая диковинный меч.

– Седельный, эсток... – уточнил слуга. – Тебе не подойдет, парень. Ты, конечно, со всяким оружием ловок, но этот годится только для верхового боя да против доспеха. Им как пикой орудовать надо, и длина его почти три локтя... Кстати, ножны оставь, они и сами по себе дрянь, да и ты не лошадь, чтобы носить такую железку на боку в чехле. Я вот кольцо сюда приладил, цепляй к поясу и то насмешек не оберешься. Эсток... С юности с такими не встречался. Работа чудная, но искусная. И сталь отменная... Я не назову не только мастера, который бы мог выковать нечто подобное, но даже не намекну на то, из какой страны прибыл этот образец! А ведь я разбираюсь в этом деле, разбираюсь...

– Верно, из той страны, откуда пришел мой опекун? – усмехнулся Рин. – И там седельные мечи в ходу. Что ж, если забыть об удобстве, он длиннее меча магистра. А если я прицеплю его к поясу без ножен, значит, мне не придется вытаскивать из них меч!

– Лучше бы тебе не пришлось обнажать меч совсем, – проворчал Хаклик. – Я прожил много лет, молодой Олфейн. Поверь мне, если однажды обнажишь меч, то уже никогда не уберешь его в ножны, даже если будешь забивать его туда молотом!

– Ты по-прежнему любишь присказки, – кивнул Рин. – Я спрашиваю в который раз: хочешь, отпущу тебя? Мне бы не хотелось, чтобы ты... пострадал из-за меня.

– Ты все еще не имеешь никаких прав, – нахмурился слуга. – У нас нет денег, а долгов столько, что даже если мы будем собирать кристаллы целый год, не выплатим и десятины. А ты знаешь, что мы не будем их собирать. И не кори себя: ты не мог спасти отца от той хвори! Не простая она была, не простая... Держись, парень, и помни: для меня ты все еще маленький постреленок.

– Я убил той ночью человека, – прошептал Рин. – Разбойника. Но я впервые убил человека! И он сгорел в Поганом пламени.

– Жаль, что его звали не Фейром, – вздохнул старик. – А что касается пламени... Кто теперь не сгорит из тех, что добрались до края жизни? Или ты не знаешь, что в Айсе не осталось ни одного погребальщика? Погань заботится о мертвецах...

Камрет жил в тесной клетушке в Нижнем городе, но время проводил в трактирах и на постоянных дворах. Рин так и не понял, что больше предпочитал его престарелый, но удивительно бодрый приятель – обильную выпивку и еду или душевную беседу, поскольку тот отдавал все свободное время и тому и другому. Кости ему в трактирах на самом деле бросать не разрешали, но старик словно особенно об этом не горевал. Он заводил друзей так же легко,

как некоторые приобретают врагов, и если зарабатывал на друзьях, то исключительно с учетом их трезвого и обдуманного на то согласия.

Для серьезных заработков ему хватало и заезжих простаков. А зарабатывать удавалось немало. И в умении разговаривать любого молчальника равных Камрету не было. А уж когда он сам начинал плести какую-нибудь историю из древних времен, порой в трактир народу набивалось больше, чем могло поместиться в случае раздачи дармовой выпивки. Правда, когда Камрету не хотелось ни с кем общаться, он натягивал на лицо такую отвратительную мину, что вчерашние друзья предпочитали обходить старика по другой стороне улицы. Впрочем, Рин ни секунды не сомневался, что какие бы рожи тот ни корчил, от разговора с ним старик не откажется.

Раздумывая об этом, Олфейн наскоро перекусил, помахал руками, пытаясь разогнать то ли пыль и паутину, затянувшую углы некогда первого дома Айсы, то ли поселившуюся в плечах немощь, набросил на плечи ветхий плащ Хаклика и прицепил к поясу эсток. Новый меч был длиннее прежнего, но все-таки не слишком велик, хотя приноровиться к нему явно следовало. По крайней мере, ромбовидный в сечении клинок если и предназначался для рубящего удара, то явно не в первую очередь. В любом случае вытягивать его из ножен оказалось бы не слишком удобно, и Рин махнул рукой на собственный явно нелепый вид.

Еще несколько минут заняли пустые увещевания Хаклика и рассмотрение герба дома Олфейнов, который вновь заслониł светлый круг на тяжелой входной двери. На магистерском щите поблескивал древней бронзой зигзаг Иски, разрезающей каменный холм на части, сияли Водяная башня и лодка.

– Рин! – послышался тонкий голос.

Олфейн оглянулся и поморщился, словно от головной боли. Улица, как он и ожидал, была пустынной, но у ступеней стояла дочь звонаря Шарба – Джейса. Девчонке было уже за семнадцать, но детское выражение лица делало ее похожей на пятнадцатилетнюю, хотя тонкая талия и высокая грудь украсили бы любую ровесницу Рина. К счастью звонарка, как называли ее сверстники, не пыталась прибавить себе возраста чернением светлых бровей и ресниц, она лишь неизменно туго перевязывала рыжие волосы красной лентой и тщательно следила за аккуратностью бедной одежды. Впрочем, никто не приглядывался к ее одежде. В Верхнем городе девчонка слыла первой красавицей и, по убеждению многих, могла бы считаться первой красавицей Айсы, если бы звонарь разрешал ей разгуливать по городу без присмотра.

По мнению молодого Олфейна, исключая нищету и безродность ее отца, о которых Рин вовсе не задумывался, у Джейсы был один-единственный недостаток. Каким-то странным образом девушка утвердилась в мысли, что Рин ее суженый, и последние несколько лет пыталась убедить в том же самом и своего избранника. Кто знает, не будь она столь настойчива, возможно, он и вправду утонул бы в ее зеленых глазах?

– Смотри, Рин! – Звонарка потянула к локтю рукав и показала охватывающее запястье синеватой полосой клеймо. – Я ходила к Поганому огню!

– В стражницы нанимаешься? – недовольно буркнул Олфейн, сойдя со ступеней и двинувшись в узкий переулок.

Выходить на главную улицу ему не хотелось. То ли дело улочка Камнерезов, на которой даже днем между зданиями стояла тень. Верхние этажи мрачных домов выдавались вперед, почти соприкасаясь друг с другом, а внизу, между штабелями тесаного камня, в пыли и каменной крошке бегали чумазные дети, радуясь узкой полоске солнечного осеннего неба над головой. Где-то под домами раздавался стук – лучший камень добывался именно в этой части холма, в штольнях, которые имелись под каждым жилищем. К сожалению, глубина проходов в каменном основании города количества собираемых кристаллов не увеличивала, но зато пыли и мусора приносила изрядно.

Именно поэтому улочку Камнерезов не слишком жаловали горожане, и Рин рассчитывал добраться до Северной башни, не встретив никого из знакомых.

– Почему в стражницы? – удивилась увязавшаяся следом Джейса, стараясь не зацепить ветхим платьем сложенные у домов плиты и блоки. – Разве девушек берут в стражницы? Если только стряпухой, но стряпухе клеймение не требуется. Ты знаешь, я так перепугалась в этой Кривой часовне! У настоятеля Солюса отвратительная бородавка на носу! И там было не меньше сотни пришлых. Из этих, что волокут от Пущи обозы. Лошади ведь боятся Погани. Да, тележных перегонщиков! Они толпами приходят посмотреть на клейменный огонь, и некоторые из них щипали меня за ноги, посмотри, какие синяки!

Джейса обогнала Рина и взмахнула подолом платья. Олфейн поморщился и с некоторым усилием отвел взгляд от белых ног.

– Больно было... в пламени?

– Не-а! – завертелась перед ним раскрасневшаяся звонарка. – Уж по-всякому не больше щипков! Я, правда, здорово трусила, но закрыла глаза, прошептала молитву Единому и сунула руку в огонь. А потом даже глаза открыла, боли-то не почувствовала! Только холод! А холод как раз от огня исходил! И камень, на котором огонь горит, холодный! И вот!

Девчонка снова подняла над головой руку и продолжила крутиться, развевая светлое выцветшее платье. Сразу несколько ребятишек, присвистывая, присоединились к ее танцу.

– Я тороплюсь, – отрезал Рин, протискиваясь между звонаркой и пыльной стеной.

– И ты ни о чем больше не хочешь меня спросить? – надула губы Джейса.

– Чтобы услышать еще какую-нибудь глупость? – бросил через плечо Рин.

– Стой! – выкрикнула девушка.

– Ну что еще?

Рин с раздражением обернулся. Раньше Джейса не позволяла себе произнести больше пяти-шести слов в его присутствии.

– Я не могу идти за тобой, – она едва не плакала. – Отец запретил мне уходить дальше, чем на три квартала от дома!

– И как же ты ходила к Кривой часовне? – удивился Рин.

– Камрет ходил со мной вчера! – выпалила Джейса. – Отец отпустил меня с Камретом. Он хороший!

– Не сомневаюсь. – Рин сплюнул под ноги.

– Подожди! – Девушка опустила руки. – Камрет сказал, что если ты женишься на клейменной и у тебя родится сын, то, возможно, дом Олфейнов останется тем, что он есть...

– И что из этого следует? – скривился Рин.

– Я клейменная и рожу тебе сына, – прошептала Джейса. – Я не уродина, у меня крепкая грудь, здоровое тело. Хочешь потрогать? Камрет сказал, что я даже красива! Я все еще девственница, Рин.

– Послушай, – невольно отшатнувшись, Олфейн постарался говорить медленно и негромко, потому что этажом выше уже закрипели деревянные рамы, да и стук молотов и визг пил вроде как начали затихать. – Я благодарен Камрету за участие в моей судьбе. Я тепло отношусь к твоему отцу, Шарб без сомнения подтвердит это в любой момент. Я числю тебя среди самых близких мне людей... Но из этого вовсе не следует, что я собираюсь взять тебя в жены!

– Почему? – Глаза Джейсы наполнились слезами.

– Причин предостаточно, – скрипнул зубами Рин. – И то, что ты слишком мала, не главная из них. Если я решу спасти свой дом таким образом, ты мне не подойдешь!

– Я недостаточно красива? – подняла брови Джейса.

– Ты слишком глупа! – прошипел Рин, но тут же примирительно замахал руками, потому что слезы ручьями хлынули из глаз девушки. – Я не хотел сказать, что ты дура, вовсе нет, но ты не понимаешь самого главного!

– Что же это – самое главное? – всхлипнула Джейса.

– Мне нужна не красавица, – вздохнул Рин. – Может быть, даже совсем не красавица. Мне нужна девушка из богатой и сильной семьи, потому что в другом случае я не дам за жизнь собственной жены и пучка погасших огненных игл! Ее убьют при первых же признаках, что она понесла ребенка. Или еще раньше!

– Да? – Джейса высморкалась в тряпицу. – А в городе говорят, что опасаться надо тебе! Что твой дядя справедливо зол на тебя! Говорят, что ты нашел опекуна на стороне, забыв о том, что у тебя остался близкий родственник. Ты оформил сделку в Кривой часовне, и теперь твой дядя рыщет по всему городу.

– Чего же он ищет? – нахмурился Рин.

– Твоего опекуна! – развела руками Джейса. – Ведь после обряда у него на пальце должно было остаться кольцо магистрата. Конечно, если он не отрубил его себе вместе с пальцем! У тебя-то кольца ведь нет? Говорят, что ты, наверное, нашел какого-нибудь пьяного охотника и сделал его своим опекуном, а потом он протрезвел, увидел кольцо на пальце, а когда понял, что за счастье ему привалило, то забился в какую-нибудь дыру. Или вовсе ушел в Погань, но долго он там не продержится! Стражники твоего дяди ходят по трактирам и в городе, и в Поганке, и в Диких поселках. Фейр найдет твоего опекуна, Рин, и убьет его!

– Тогда я найду другого! – напряг скулы Олфейн.

– Неужели? – Джейса вытерла последние слезы. – А перстень? Фейр наверняка заберет его себе, а без перстня никто не засвидетельствует опекунство!

– И что же мне делать? – прищурился Рин.

Он едва сдерживал себя: еще не хватало выслушивать советы звонарки!

– Мой отец не сможет быть твоим опекуном, – вздохнула Джейса. – Он не клейменный и не собирается приближаться к поганому огню. Но выход есть. Если наш брак скрепит настоятель Храма, тогда он возьмет ответственность за нашу семью и за твой дом, Рин.

– И это тебе посоветовал Камрет? – Рин побледнел от ярости.

– Нет, – улыбнулась Джейса. – Это я сама узнала. Я ходила на службу в Храм, чтобы получить благословение на клеймение. Без него женщин не допускают к священному огню! Вот и разговорила со жрецом. Он очень добрый! Он сказал, что если ты согласишься, то Храм не только станет опекуном над домом Олфейнов, но и погасит все его долги! И всего-то за двадцать лет магистрата. Двадцать лет! Как раз родится и вырастет наш сын, и...

– Джейса, – Рин говорил шепотом, но этот шепот больше напоминал сдавленный до шипения крик, – скажи мне, что ты сейчас чувствуешь? После клеймения, что ты чувствуешь?

– Ничего. – Девушка потерла запястье. – Так, пустота какая-то поначалу чудилась в животе и в груди, но я уже привыкла. Знаешь, было такое ощущение, что я превратилась в песочные часы, и из меня тонкой струйкой вытекает песок. Смешно, правда?

– Смешно, – кивнул Рин. – Если что и вытекает из тебя в виде песка, то это мозги из твоей очаровательной головы! Запомни то, чему меня учил отец: что бы ни попало в руки к храмовникам, они этого не выпустят никогда! А если они дают тебе медный грош, готовься расплачиваться золотом. Иди домой, Джейса. Не сомневайся, если я все же решусь на союз с храмовниками, я приду к тебе.

– Мастер Хельд – хороший человек, – прошептала Девушка.

– Не спорю, – растянул губы в холодной улыбке Рин. – Во главе Храма просто не может стоять плохой человек, ведь он служит Единому, не так ли? И, наверное, беседует с ним нако-ротке? Иди, Джейса!

Звонарка развела руки, хлопнула ими по бедрам и постаралась улыбнуться. Только улыбка у нее получилась жалкой. Рин помнил тот день, когда увидел улыбку девчонки в первый раз. Мальчишки с ее улицы бросали в Джейсу камнями, обзывали нищенкой, пытались высечь, и если бы не Рин, который возвращался домой после очередного похода к Водяной

башне, может быть, и покалечили бы несчастную. Рин, сам еще мальчишка, разогнал маленьких негодяев, взял девчонку за руки и попросил Единого, чтобы она успокоилась. Джейса плакала от боли и улыбалась из-за чудесного избавления одновременно, синяки на разбитом лице исчезали на глазах, а на Рина накатывали слабость и головная боль. Впервые. Именно тогда он понял, что может исцелять раны...

– Иди, Джейса! – повторил Рин.

Девушка повернулась и пошла, а потом и побежала прочь, едва не сбив невысокого крепыша в сером колпаке. Дети засвистели и побежали вслед за звонаркой.

– Берегись! – раздался визгливый голос над головой Рина, и выплеснутые помои едва не обрызгали ему сапоги.

Глава 4

КАМРЕТ

Вельтская харчевня была известна и сытной кухней, и резными колоннами из мореного дуба, что поддерживали черные балки потолка, и вельтскими музыкантами, которые вечерами не просто дудели в дудки, а извлекали из них чудесные звуки.

Но славилась харчевня одним: в ней не позволялось размахивать не только оружием, но и кулаками. А если уж кто добивался кулачной льготы, то им неизменно оказывался какой-нибудь вельт, поэтому подобное случалось крайне редко.

И посетителей, и хозяина харчевни – хромого седого вельта – сложившаяся традиция вполне устраивала, тем более что между собой вельты не ссорились даже в подпитии. На прочих любителей северной кухни внимания не обращали, а в случае редкой драки успокаивали хулигана одним ударом. Кулаки у вельтов, закаленные тяжелыми веслами, длинными мечами и топорами, были крепкими. Так что всякое непотребство в окрестностях вельтской харчевни вывелось само собой, что устраивало многих солидных горожан, а уж Камрета в первую очередь, хотя солидности за ним не числилось никогда. Явных врагов у Камрета не было, но само его благоденствие неминуемо предполагало, что кто-то поделился со стариком толикой богатства или зажиточности. И не всегда осознание подобной утраты поднимало настроение вольным или невольным благодетельным работодателям.

Вот и теперь старик забился в самый дальний угол харчевни, где возле мутного окошка предавался любимейшему занятию – потрошил глиняный горшок, наполненный тушеной с овощами бараниной.

– Садись, малыш. – Камрет обтер подбородок чистой тряпицей и привычно поправил черную ленту, стягивающую седые космы. – Вижу, выпался. Хочешь есть?

– Уже перекусил. – Рин опустил на лавку и тут же почувствовал голод. Харчевня была полна, за столами стоял гул полуденного трепя и витали запахи, которые мгновенно смыли небогатый завтрак Хаклика не только из памяти, но и из желудка.

– Я не предлагаю перекусить, – махнул рукой Камрет, подзывая вельтского мальчишку с забранными под холстину вихрами. – Я предлагаю поесть, а едой тебя Хаклик обеспечить не в состоянии... Дружок! Принеси-ка большой кусок печеного мяса, теплую лепешку с сыром и кружку горячего вина. Да не вздумай разбавлять его водой! Ваше вино и так столь слабо, что скорее лопнет брюхо, чем окосеют глаза. И быстро!..

Рин попытался не согласиться с предложением, но Камрет скорчил гримасу:

– Не суетись, малыш, я угощаю. Хотя бы в память о твоём отце! Вчера траур закончился, но, надеюсь, память о славном Роде Олфейне не скоро выветрится из головок жителей благословенной Айсы. Фейр уже был?

– Да, – кивнул Рин. – Забрал ключ от ворот Водяной башни, что-то опять искал. И пытался выяснить кое-что. Но я спал.

– Ещё бы ты не спал! – хохотнул Камрет, вновь наклоняясь к горшку. – Я влил тебе в рот целую ложку травяного отвара на молоке! Сейчас у тебя должно ломить все тело. Не пугайся, никто не брал твоё тело поносить и не использовал его на тяжелых работах и в гнусных забавах. Просто ты едва не сдох, малыш. А возвращение к жизни неминуемо должно повторить тот же путь, которым ты собирался её покинуть. Боль скоро пройдет.

– Я не собирался умирать! – гордо выпрямился Рин.

– Ты всякий раз не собираешься, – кивнул Камрет. – Правда, забыл уже, наверное, сколько раз то мне, то Ласаху приходилось вытаскивать тебя из тени Единого? Не меньше сотни! Когда твой отец отмучился, я даже вздохнул с облегчением, что мой младший друг

перестанет заглядывать в лицо смерти, пытаясь излечить недуг, который ему неподвластен. Ты не должен пробовать вычерпать из себя больше, чем в тебе есть, потому что по причине лекарского и колдовского невежества при всяком целительстве пускаешь в расход собственную жизнь. Так что ешь и не спорь! Я знаю, что тебе сейчас нужно.

Мальчишка уже притащил блюдо с куском мяса, и Рин в самом деле почувствовал, что, если немедленно не вонзит в аппетитное кушанье зубы, желудок начнет переваривать сам себя. Служка помаячил пару секунд возле стола, надеясь на монетку благодарности, но старик пригрозил ему щелчком по лбу, и маленький вельт счел за лучшее удалиться. Камрет отодвинул горшок, запустил за щеку указательный и большой пальцы и принялся ощупывать натруженные зубы, с интересом наблюдая, как Рин умиряет собственный пыл, чинно упражняясь с двузубой вилкой и коротким ножом.

– Забудь про ключ от Водяной башни, – наконец сказал старик, когда с помощью запятого шипа листовертки волоконца баранины были извлечены изо рта, а содержимое небольшого кубка с бульканьем исчезло за рядами не по возрасту крепких зубов. – Ворота не закрывались уже лет двести, и я вовсе не уверен, что замок на них не рассыпался от ржавчины. Любой кузнец откует тебе ключ лучше прежнего, правда, придется заказать у него еще и замок. Хотя подъемные решетки в порядке. С тех пор как твой отец слег, старый Гардик не забывает их проверять. Больше ничего не хочешь мне рассказать?

– И рассказать, и спросить, – кивнул Рин, чувствуя наступление полузабытой сытости. – Не знаю только, с чего начать.

– Где ты ее взял? – прошипел Камрет, навалившись грудью на стол. – С этого начни, малыш!

– Кого? – не понял Рин.

– Девку эту! – Старик сузил злые глаза.

– Девку?! – удивился Олфейн, чуть не захлебнувшись вельтским вином. – Какую девуку?.. Ты о Джейсе говоришь? Так я ее вовсе ниоткуда не брал. Об этом надо было у ее матери спрашивать, да я слышал, что она еще при родах умерла?

– Подожди! – раздраженно отмахнулся Камрет. – О Джейсе – потом! Откуда ты взял девуку, которую сделал опекуней?

– Девку?.. – Рин судорожно допил вино и взъерошил волосы. – Подожди! Ты хочешь сказать, что...

– Ты знал! – Старик ткнул Рина в грудь пальцем.

– Мелькнуло подозрение, – пораженно прошептал Олфейн. – Я даже подумал, не Хозяйка ли Погани вышла на мое колдовство, но потом уверился...

– И как же ты уверился? – Камрет скривил одну из своих отвратительных рож. – Спросил ее, что ли? Колдовство... Не было никакого колдовства!

– Как же не было? – прошептал Рин. – Я все сделал, как ты меня учил! В два часа ночи воткнул в перекресток меч, приладил на рукоять свечу, зажег ее, потом... принес жертву Погани, капнув крови в огонь, сказал нужные слова. Мой меч вспыхнул, Камрет! Он горел так, словно был вырезан из смоляного полена! Погань приняла жертву, но клейма мне не дала, я опять сжег руку... И тогда я сбросил с себя плащ, наравал листовертки и устроил костер, чтобы привлечь какого-нибудь охотника – все, как ты велел! Я читал мольбу к Единому о ниспослании силы и крепости духа до тех самых пор, пока охотник или, как ты говоришь, девка не вышла ко мне со стороны Погани! Но это был охотник, Камрет! Иглы висели у него на поясе, они не растут ближе пяти лиг от города! Да и этот меч. – Рин сорвал с пояса и положил на стол эсток. – Я не знаю, почему он оказался у меня, но он вполне может заменить охотничью пику! Я попросил охотника о помощи и получил согласие, пусть он (или она) и говорил с акцентом. Кольцо приняло его, Камрет! Я одел перстень охотнику на палец и... и он упал. Он оказался вымотан, едва жив. И мне пришлось...

– Лечить ее? – мрачно усмехнулся Камрет.

– Да, – кивнул Рин. – Я взял его... ее за руки и... А потом потерял сознание. Я был слаб. На Западных воротах мне пришлось исцелить палец стражнику, один из дозорных узнал меня...

– Ты еще и на воротах вляпался в историю, – покачал головой старик. – А потом поменял меч, последний плащ и колпак на опекуншу, которая теперь прогуливается неизвестно где. Да, видно, надо было вести тебя за руку. Знаешь, молодой Олфейн, я иногда жалею, что пообещал твоему отцу присматривать за тобой. Но я не мог поступить иначе, а слово старый Камрет привык держать. Ты ничего не утаил от меня?

– Я сказал все, что мог сказать, – стиснул зубы Рин. – Но более суток выпало из моей памяти.

– Хотел бы я, чтобы некоторые дни выпали из моей памяти, – пробурчал Камрет. – А то и целые годы. Значит, ты настаиваешь на колдовстве? Может быть, и меня за колдуна держишь? Посмотри-ка сюда. Видишь?

Старик раскрыл ладонь.

– Что это по-твоему? – насмешливо прищурился он.

– Кости, – пожал плечами Рин, рассматривая два коричневатых кубика. – Это твои кости, Камрет. Обычные кости.

– Вот! – поднял палец старик. – Обычные кости. Я хотел бы, чтобы ты запомнил: обычные кости! Я знаю, тут многие считают меня колдуном, но я повторяю – это обычные кости! А это?

Камрет стиснул на мгновение кулак, а когда вновь разжал, на ладони уже лежали не две, а четыре костяшки.

– Ты колдуешь?! – прошептал Рин.

– Колдую? – удивился Камрет. – Нисколько. Я всего лишь хорошо владею собственными руками. И это тоже кости, дорогой мой. Только вот эти две костяшки всегда выпадают пятерками или шестерками вверх. Вопрос лишь в том, какие кости бросать самому, а какие давать сопернику!

– Ты мошенник, Камрет! – поразился Рин.

– Ничуть не больший, чем вот эти едоки, – повел рукой по шумному залу старик. – Я никого не обманываю. Разве я хоть раз бросал кости с друзьями? Только с незнакомцами и только с богатыми. Но я всякий раз, без единого исключения, предупреждаю смельчаков, что всегда выигрываю. Тем не менее они пытаются испытывать судьбу. Так кто кого обманывает? Они все мошенники, Рин, это город мошенников! Почему же я не могу чуток облегчить участь ветвей, согнувшихся от несправедных плодов? Ты не согласен?

Рин недоуменно пожал плечами. Его приятель, старик Камрет, который с младенчества поучал и наставлял будущего владельца дома Олфейнов, только что признался в несправедности собственного промысла.

– Я думал, что ты держишь удачу за хвост, – наконец разочарованно промямлил он.

– Хвост, может быть, и держу, но разве теперь разберешь, удача ли его обронила или какая пакость? – недовольно пробурчал Камрет. – Мало ли хвостов виляет вокруг? Ты просто не был нигде, кроме Айсы. Конечно, всюду хватает бездельников и тунеядцев, но только в Айсе они правят городом и только в богатейшей Айсе их двое из каждых трех! Да, добытчики ходят рубить в Погань руду и собирать огненные иглы, которые прочищают мозги лучше любой выпивки. Охотники добывают желтого волка, горячих змей и иную гадость, что каким-то чудом умудряется прожить в Погани. Они же бродят по чашам Пуци. Откуда у нас вино, мясо, древесина?... Да, торговцы рискуют жизнью, доставляя товары в процветающую Айсу! Каменщики пилят и кладут камень, ювелиры выковывают и отливают драгоценные безделушки, гончары замешивают с пеплом чудесную глину, которую с немалым трудом добывают из-под гнильской трясины, кузнецы машут молотами. Но они же все и мошенники! Все, кто живет за большой

стеной, все, кто раз в год спускается в узкие штольни, пробитые под каждым домом, и снимает со стен драгоценные магические кристаллы. И даже те, кто сбывает собственный товар внутри города за деньги, полученные, заметь, опять же за волшебный лед! Они все как паразиты на отголосках тысячелетней магии! Возможно, что их предки, строившие Айсу, стерли на этих камнях ноги и руки в кровь, но их потомки просто сидят на краю блюда, кушанье на котором не иссякает, и жрут, жрут, жрут...

– Разве я не таков же? – осторожно спросил Рин.

– А я? – усмехнулся Камрет. – Я тоже мошенник, малыш! Просто у меня нет доступа к блюду, и я откусываю от толстых задов, сидящих на его краю.

– Пусть так, – мотнул головой Рин. – Но как ты тогда предсказываешь будущее? И мое будущее в том числе! Или у тебя и карты такие же?

– Карты те, что надо, – заверил старик, спрятав за пазуху камни, покопался там, но карты не достал. – Только дело не в картах. Нужно посмотреть в глаза, прислушаться к человеку, понять, куда он катится, да сказать ему что-нибудь, что можно истолковать и так, и сяк... А там уж смотри, что ему выпадает и как это похоже на правду. И думай, что говорить!

– А мне ты как советовал?

– Почти так же. Правда, за тебя у меня еще и сердце болит. Карты только одно сказали: выбор тебе надо делать, а там уж что советовать, если все и так ясно? Идти на перекресток да ждать, когда мимо пройдет кто-то достойный. Или думаешь, что встань ты у Водяной башни или в другом положенном месте, к тебе бы так и побежали будущие опекуны? Устроил бы тебе дядя твой смотрины... Вот я тебя и отправил куда подальше. Знал же, что охотники всю неделю по кабакам, что Погань бушует, что не встретишь там никого! А уж насчет клейма, вспомни, ты ж сам напросился еще на одну попытку клеймения. Видно, прошлые ожоги быстро зажили? И присказку я тебе обычную передал, ее всякий охотник знает. Она словно утренняя к Единому, по привычке бормочется. Вот только охотники после такой фразы свечку-то задувают, а твой огонечек, говоришь, меч твой спалил? А хорошо ли ты слушал мои рассказы? Забыл, чем охотничьи присказки оборачиваются? Потушить ты должен был свечу кровью, потушить! Не было такого никогда, но отчего-то считается, если не гаснет свеча, значит, не принимает твоей жертвы Погань! Гонит она тебя прочь, вот что это означает! А уж если оружие твое сгорело, так это... А демон его знает, что это! Не сгорало оно пока ни у кого. Предупредила тебя Погань, парень. Предупредила о чем-то...

– Зачем же ей было меня предупреждать? – побледнел Рин. – Не проще ли было сжечь меня да пепел ветром развеять? Я же руку в пламя сунул! Я еще по дороге к перекрестку чуть под Пламенную Погибель не попал, стена на части в шаге от меня разорвалась!

– О том ты меня не спрашивай. – Старик опустил плечи. – Я гадаю, но не выгадываю. Прислушиваюсь, но не всегда слышу. Устал я, малыш, засиделся в Айсе. А выберусь ли отсюда, уж и загадать-то боюсь!

– Говоришь, что не должно было мне никого встретиться? – удивленно пробормотал Рин. – Так встретился же! Или твоя ворожба помимо твоей воли действует?

– Да забудь ты эту ворожбу! – Камрет едва не подскочил. – Дружок мой вельтский, проверенный и надежный, перебрал чуток в поганском трактире, на десяток минут позже к перекрестку выбрался. Я с ним сговорился, что он на себя твое опекунство возьмет! Или ты думаешь, что я на карты да на удачу твою повелся? Нет, все подготовил, все продумал. Только толку от моих придумок не вышло, как видно. Приходит мой приятель на перекресток, а там уж костерчик догорает, и возлежат двое, ручками сцепившись. И перстенок-то на пальчике уж блестит у одного!

– Так все-таки у одного? – нахмурился Рин. – Или у одной?

– Ты обожди хмуриться-то, – раздраженно сплюнул на пол старик. – Хмуриться будешь, когда твой дядя опекуна твоего разыщет да укоротит его – тьфу! – ее на пару ладоней. Удобно

укорачивать будет. Орлик сказал, что грива у нее такая, что и трем вельтам двумя руками ухватиться достанется!

– Орлик? – переспросил Рин.

– Опекун твой не состоявшийся, – кивнул Камрет. – Верный человек, поверь мне. Если кто и способен тебя защитить в Айсе, так только он!

– Это я ему, что ли, тридцать монет должен? – Рин почесал затылок. – Или тебе через него? А не проще ли было заранее сговориться? Зачем в Погань меня погнал?

– Мне ты должен двадцать из тридцати, – отрезал Камрет. – Правда, я могу и подождать. Да если и не получу монет, с меня не убудет. Сам понимаешь, когда-то надо и о друзьях за собственную денежку порадеть. А вот десяток монет Орлику тебе отдать придется. Но он тоже подождать готов, да и свой у него интерес в Айсе. Он все, как и ты, расковырять древность хочет. Покая ему не дает, отчего ж отсюда и до горизонта невразумление какое-то поганое раскинулось? Но эта блажь его умениям да чистому сердцу не помеха! С ним и сговариваться не пришлось, хватило лишь намекнуть, что отпрыску старшего магистра помочь надо. А вот насчет того, чтобы с тобой, малыш, сговориться, да что в Погань тебя погнал... Я хотел бы сговориться, но только ты втемяшил себе в башку это поганское клеймо, вот я и пытался один твой клин другим вышибить! А вместо этого подсадил тебя на расход.

– Нет у меня денег, – процедил сквозь зубы Рин. – И серебряного медью не наберу.

– Ты выживи сначала, – еще медленней выговорил Камрет, – потом о деньгах вспомним. Но на всякий случай скажу, что я ни теперь, ни после денег на тебе зарабатывать не собирался. Да и долю тянуть с Орлика, стань он твоим опекуном, не рассчитывал. Все мои монетки пошли на дело. Пяток Орлику на прокорм, чтоб условленное выполнил, о брюхе ненасытном своем не вспоминая. Пяток храмовнику Солюсу из Кривой часовни, чтобы ночь у алтаря провел. Пяток делателю магистерскому Кофру, чтоб там же тебя ожидал да по перстню ярлык на опекунство составил. Да пяток Жаму из магистрата за свидетельство и расторопность. И молчание их, и скрытность от Фейра в те же монетки укладываются, отсюда и цена немалая. И ведь все они монетки отработали, только ты, малыш, сплеховал! Где твоя опекунша?

– Это я у тебя хотел спросить! – поднял брови Рин. – Насколько я знаю, сейчас Фейр весь город переворачивает, ищет человека с магистерским перстнем на пальце. Он хоть знает, кто мой опекун?

– Если Жам знает, то Фейр знает в подробностях! – Камрет снова сплюнул. – С другой стороны, только Жам и падок на монету. Другой бы и не согласился, а Жам глуп. Это он потом перетрухнул, когда Кофр ему что-то про Фейра наболтал, но так Иска против течения не бежит. Ладно, обратного хода и нам нет. А девка где-то в городе. Я уж переговорил с кем надо, ее так просто не выпустят за стену, а выпустят, сразу знать дадут. Я со многими уже переговорил, еще бы толк от моих разговоров был! Орлик ведь что сделал, он как вас у костра нашел, башку почесал, взвалил на плечи обоих да и пошел, куда велено. Здоровый он, и обычный вельт в полтора раза против любого горожанина весом возьмет, а чтоб Орлика получить, умножай любого вельта на два. Так и протопал мой приятель мимо Поганки до городских ворот, постучал по ним сапогом, всполошив охрану на четыре прясла стены в каждую сторону, оставил по серебряному за пронос двух якобы пьяных приятелей и оттащил вас в Кривую часовню. Там твоя опекунша в себя и пришла. Кофр уже и ярлык составил, осталось только имя вписать. А опекунша твоя словно не в себе оказалась, головой мотала, а как воду увидела, присосалась, словно неделю без капли во рту по Погани бродила! Однако имя назвала, дала палец краской вычернить и к ярлыку приложить, и перстнем подпись завершила. Только вчитывалась долго да на тебя, малыш, посматривала. Оно понятно, впрочем: ярлыки ж на старом языке пишутся, его не всякий разберет. Странная она девка, как рассказал мне Орлик. Замученная, словно ее в телегу запрягали, но держится прямо, разве что в глаза не смотрит, прячет глаза-то. Ожоги на скулах розовой кожей, верно, твоими стараниями, малыш, покрылись. Клейменная, правда,

странно. Отчего-то на обоих запястьях клейма у нее, так и выются к локтям, да видны не очень. Опять же мелькнуло что-то на шее у нее, на татуировку похоже. Такие у савров приняты, но она вовсе иных кровей – Орлик в том разбирается... Одежка у девки ветхая, но когда-то крепкой была. Покроя не нашего. Опять же мечи. Необычные у нее мечи, иноземные какие-то. Да и не принято у нас мечи за плечами таскать, даже и короткие, как у нее. А тот, что с пояса, по-любому не под ее руку заточен был. Вот его-то она сама тебе в тележку положила, которую Орлик у Солюса выклянчил да приспособил, чтобы тебя домой откатить.

Старик вытянул пальцы, погладил серую сталь, осторожно ухватился за рукоять.

– Седельный... Значит, в тех краях, откуда она, на лошадях рубятся, и доспех там прочный. Орлик сказал, что опекунша твоя, малыш, тоже в доспехе была. В кольчуге, наручах. По всему видно, что из знатных, если доспех дорогой, хотя копотью он забился, чистить – не перечистить, да самой девке хорошая банька не помешала бы. Гарью от нее несло. Одному Единому известно, сколько она по Погани бродила... И откуда забрела туда? И отчего Погань огнем пузырится? Да, интересно, интересно!.. Охотница, говоришь?.. Хотел бы я посмотреть на ту дичь, до которой подобные охотницы охочи... Красавица она, малыш, точно тебе говорю! Кто-то, а Орлик бабской породой избалован, на иную и не взглянет, даже если та первой девкой целой деревни слывет. Это-то Орлика и подвело. Больно уж привык вельт, что всякая баба покорно под его руку идет. Упустил он твою опекуншу.

– Где она? – повторил вопрос Рин.

– Сбежала, – пожал плечами старик. – Как Орлик выкатил тебя на тележке, она следом пошла, но вельт еще до главных ворот сплеховал – не сдержался, за мягкое место попытался красавицу ухватить, за то и получил. А когда очухался, так ее уже рядом не было, заодно и кошель с его пояса пропал, в котором еще восемь монет серебра позвякивало. Хорошо еще на главных воротах приятель твоего отца в карауле стоял, старик Борт, без мзды Орлика пропустил. Так вельт от удара девки до сих пор еще не очухался! Как пьяный, одно слово. Когда покатил тележку обратно в часовню, я сам видел, все фасады ею обстучал! И то сказать, когда такое бывало? Мало того, что девка одним ударом ладони самого здорового вельта с ног сшибла, так она еще и рожу ему опалила, словно головней наотмашь била! Поверь мне, малыш, если бы Водяная башня рухнула, и Айсу Иска затопила. Орлик бы меньше удивился!

– Так, может быть, Фейру надо опекуншу мою бояться, а не ей его? – скривил губы Рин.

– Ты плохо знаешь Фейра, – помрачнел Камрет. – Поверь мне, малыш, есть... люди, от которых мертвечиной пахнет. Так вот от Фейра пахнет не только мертвечиной, причем твоей собственной! Когда он на тебя смотрит, еще и кажется, что сейчас топор за твоей спиной свистнет. Я, парень, сам стараюсь с ним не сталкиваться! Демон его раздери, может, оно и к лучшему, что сбежала твоя опекунша? Если она пришла, то ведь кости ее ладно упали – и лекарь после не слишком удачной охоты подлечил, и перстенец ей подарил, да и ярлычок как опекунша твоя она на жительство получила. С другой стороны, какая же она пришла, если клейма у нее по обеим рукам? Станные клейма. Впрочем, чего голову ломать, если Солюса они не удивили? Убежала и убежала, может быть, и не надо искать ее, малыш?... Хотя нет, через два дня магистрат собирается, ей по-всякому надо кресло магистрата занять, не то все наши хлопоты в трясину уйдут... Она должна! Должна сидеть на магистерском месте, пусть и нету нее голоса! Она должна сидеть, а ты за ее спиной – стоять. Демон меня раздери! Ведь добьется Фейр отмены опекунства, если не появится девка в магистрате! И перстень магистерский сам для себя выкует, если нужда особая настанет. Ты ее должен найти, Рин, вперед Фейра! Найти и спрятать, а там уж состроим что-нибудь или, думаешь, старик Камрет ни на что не годится? А?!

Выкрикнул последние слова седой приятель и из-за стола на лавку вскочил, да так, что ползала на него оборотилось, а те, что лицом в его сторону сидели, принялись хохотать. И то дело, было над чем посмеяться. Росту в Камрете и трех локтей не набежало, плечи от седых патл скосились как у айской хозяйки, что полжизни камни из штольни вытаскивала, а споро

натянутый на голову колпак в локоть высотой роста старику не прибавлял, а словно забивал его в землю. Зато клинок на поясе у Камрета висел изрядный. Даром, что короткий, едва до колена коротышке доставал, зато широкий, как лопата, которыми айские пекари хлеба из печей вытаскивают. Меч да тяжелая медная фляга в черной коже, наполненная крепчайшей огненной настойкой. Меч и фляга, которые, стуча друг о друга, выдавали Камрета лучше, чем колотушка ночного стражника, устрашающе звякнули, и как тут было не засмеяться. Даже Рин не сдержал улыбку, а старик только еще одну страшную рожу скорчил да на место спрыгнул.

– Вот так, – прошептал он, выпятив подбородок, под неутихающий хохот. – Если тебя считают дураком, малыш, задумайся, а нужно ли тебе кого-нибудь разубеждать в заблуждении? Впрочем, тебе о другом думать надо: как девку эту найти, да как ей все растолковать, если она местный язык с трудом разбирает. Ну и я бы поболтал с ней. Есть у меня вопросы, есть! Зря, что ли, думаешь, я пять лет под Темным двором трудился, все сказки да присказки под интерес тамошних служек собирал? Зря, что ли, меня настоятель темноворский, магистр Нерух до сих пор привечает? Не тот дурак, кто землю сквозь сито просеивает, а тот, кто сито с крупной ячеей выбирает!

– Как ее имя, Камрет? – спросил Рин.

– Какое еще имя? – поморщился старик. – То, что она вместе с ярлыком унесла? То имя всякая могла на себя набросить, если бы в ходу оно было. Хотя это имя пока что никому поперек горла не вставало. Айсил она назвалась, малыш. А Айсил – это... Вот что я тебе скажу: держи имечко ее в голове, а сам на перстень смотри да на красоту. И попомни мои слова про баньку! Орлик сразу заметил, что как бы она не тут же бросилась воду искать, да теплую, да с мыльным раствором, да серебро его спускать в лавках у заезжих торговцев одеждой. Он с самого утра, думаю, уже по этим лавкам бродит. Запала она Орлику на глаз, запала! Да, я пришлю его к тебе. О деньгах не думай, он сам мой должник, но от Фейра если кто тебя и спасет, то только Орлик. Пусть побудет пока с тобой. Опять же...

– Камрет! – Рин нетерпеливо оборвал поток стариковского пусторечия. – Что за имя – Айсил?

– Айсил-то? – замялся тот, покосился на уgomонившийся зал и прошептал, навалившись на стол: – Ты, малыш, особенно-то слово это не выкрикивай. Оно не в ходу в Айсе, его только в Темном дворе пережевывают. Ты девку ту искать отправляйся. И людной улицей иди, а не переулками, как привык. На людной улице и Фейр к тебе добрее станет, ему лишний пригляд не нужен пока. Ищи девку! А как найдешь, ко мне беги. Да не в мою каморку – туда не суйся, а к Ласаху, травнику. Я у него пока комнатку снял... А имя это простое. Так пропасть лет назад страна называлась, что ныне Поганью прикрыта. Понял? Не понял, что ль?... Неужели думал, что Погань от создания мира раскинулась? Ну, это ты зря, не обижай Единогo, не обижай! Не мог он подобной пакости измыслить, он все пакости под нашу фантазию оставил. Точно тебе говорю! Как это я раньше иное говорил? Да, кстати, ярлык об опекунстве у Орлика пусть пока побудет, не то потеряешь еще, демон тебя раздери, малыш...

Глава 5

ДЖЕЙСА И ХЕЛЬД

Если бы отец Джейсы оказался чуть богаче, знатнее и, может быть, удачливее, не было бы в Айсе невесты веселей и беззаботней, чем рыжеволосая красавица-звонарка. Неизвестно, задумывался ли об этом Шарб, но за дочкой он приглядывал внимательно и любил ее так, словно прозябал в ночи и холоде, а дочь приносила ему тепло и свет.

Заботился звонарь о Джейсе настолько, насколько позволяло скудное содержание айского магистрата, а именно передавал дочери жалование до последнего медяка и всецело полагался на ее домовитость и расторопность. В чем-чем, а уж в расторопности Джейсе не смог бы отказать никто, кто знал ее близко. Правда, жил звонарь с дочерью недалеко от Водяной башни под крышей доходного дома, ставшего доходным только из-за древности и ветхости. А, значит, соседствовал Шарб большей частью с зажиточными и важными горожанами, которые не только знаясь не желали с убогим семейством, но и вообще старались его не замечать.

Хотя дети этих самых горожан никогда не упускали случая присвистнуть вслед негаданно расцветшей звонарке, с трудом вспоминая, не ее ли в не столь далеком детстве они пытались выжить с богатой улицы, словно ненароком забредшего в их дворы бездомного кошака?

В отличие от них, ее обидчиков, которые теперь уже стали торговцами и заимодавцами, а большей частью бравыми стражниками Айсы, Джейсе не приходилось морщить лоб, чтобы вспомнить давнюю историю. Все произошедшее стояло у нее перед глазами, словно произошло только что. Орава мальчишек прижала ее к углу Водяной башни, чтобы, задрав на спину ветхое платье, с помощью камней, прутьев и ременной плетки раз и навсегда научить и низким поклонам при встрече на Серебряной или Огненной улицах, и привычке не прогуливаться, а красться вдоль холодных стен мрачного города, и просто испуганному выражению лица вместо не покидающей ее губ и щек восторженной улыбки.

Джейса даже не успела испугаться. Прикусив губу, она пыталась защищаться и не чувствовала ни вспухающих на спине следов от плети и прутьев, ни разбитых губ, ни наливающих синяков, когда в толпу сопящих негодяев врезался Рин. Он был, пожалуй, младше большинства ее обидчиков, но сумел справиться один с пятью или шестью противниками.

Мальчишка не распалял себя ни криками, ни угрозами. Он точно так же как Джейса прикусил губу и принялся осыпать ударами палки жестоких озорников. Быстрота и напор сделали свое дело, схватка оказалась короткой и закончилась позорным бегством зачинщиков. Рин деловито переломил брошенные прутья, затем поднял плетку, вздохнул и порезал ее на части извлеченным из заплечной сумы ножом.

– Мастер Грейн учит, что чужого брать нельзя, – пробурчал он, словно обращался к самому себе, отбросил куски кожи и поднял глаза на Джейсу.

Страх и обида навалились на девчонку только теперь. Навалились и выхлестнули следами, заставили забиться в рыданиях, отозвались болью в разбитом лице и исполосованной спине. И тогда Рин Олфейн, которого Джейса не могла не знать, потому как именно он гордо шествовал рядом со своим отцом, старшим магистром Родом Олфейном перед ежемесячными собраниями магистров Айсы, взял ее за руки.

Она так и не поняла, что он бормотал, только почувствовала, как исчезает боль, а испуганные глаза мальчишки наполняются удивлением, интересом и как будто той самой исчезающей у нее болью. На верхушке Водяной башни тем временем тяжело ударил колокол, а вскоре и хромой Шарб с криком засеменил к странной парочке.

– Чего хочешь? – только и спросил звонарь, когда девчонка сбивчиво поведала ему о мальчишеской напасти и неожиданном спасении.

– Так я не за что-то, просто так, – пробормотал Рин, смахивая со лба липкий, нездоровый пот.

– Это и хорошо, – крикнул Шарб, оглядывая заплаканную дочь. – Однако дружбу закрепить бы следовало!

– А вот. – Рин протянул палку Джейсе. – Пусть без палки не ходит.

– Да не о том я! – поморщился Шарб.

– Пап, – пискнула Джейса, – а ты пускай его на Водяную башню! Не гоняй его больше!

– А можно? – вытаращил глаза Рин.

– Можно! – хмыкнул звонарь. – Только чтобы слушаться меня и куда не велю – не забираться!

Так и случилось, что Джейса нашла заступника, а Шарб малолетнего приятеля, который облазил Водяную башню от Мертвой ямы в ее основании, где бурная Иска уходила в подземную полость, чтобы вынырнуть из-под камня через сто шагов, и до верхушки, где висел старый, позеленевший от времени колокол.

Сначала Джейса пыталась не отставать от нежданного приятеля, но потом махнула рукой и лишь с завистью смотрела, как неутомонный мальчишка, рискуя жизнью, ползал по стенам Водяной башни, нащупывая босыми ногами узкие карнизы и уступы, чтобы заглянуть в запертые комнаты сооружения через затянутые паутиной окна. Шарб только потрясал кулаками, Рин счастливо улыбался, а Джейса, прижимая ладонь к груди, с удивлением прислушивалась к собственному сердцу: отчего оно стучит так, словно ей пришлось обежать весь Верхний город по Магистерской, Пристенной и Медным улицам, и отчего боль в груди так сладостна и желанна?..

– Ну? – окликнул Джейсу Арчик, напарник Шарба. – Шевелись! Хромой просил проводить тебя в Храм и привести обратно, а насчет того, чтобы у башни до полудня толкаться – уговора не было! Мне еще всю ночь на верхотуре торчать!

Джейса только кивнула и молча пошла вслед за долговязым вторым звонарем вдоль высокой серой стены, отсекающей пропасть Иски от фасадов грязной Дровяной улицы.

Вот ведь вроде бы самый центр Айсы, Водяная башня с воротами в Нижний город, что за речкой, тут же Медная улица, что ведет к Северным воротам и делит городское доречье на Верхний и Средний города, магистрат, богатые дома, до громады Храма два квартала всего, – а все равно сырость, кора, гниль под ногами. Оно понятно, конечно, где еще плавник вылавливать, как не в Холодном ущелье: Иска после Водяной башни и Мертвой ямы спокойной становится, разбегается на полсотни шагов, мельчает. Тут тебе и рыбалка, и дерево, вот только грязь под ногами да запах такой, словно до начала Гнили не четыре лиги, а несколько шагов!

– Что там? – буркнул через плечо Арчик. Хорошим парнем был второй звонарь, правда невезучим. Мальчишкой еще в Нижнем городе в помойку забрался, в овраг скатился да перебил себе локоть. С тех пор висела правая рука плетью. Даже Рин не смог ее исцелить, сам чуть не захлебнулся кровью, которая горлом у него пошла от напряжения. Хаклик говорил, что, пока умирал отец Рина, частенько у молодого Олфейна такое же случалось.

Так Арчик или по глупости, или от ревности к Джейсе чуть ли не самого Рина врагом стал числить! Словно не сам он руку себе поранил когда-то, а неудачное лечение Рина Олфейна в калеку его обратило. Горячим парнем был Арчик. Хорошим, но уж больно горячим. Давно глаз на Джейсу положил. Хорошо еще одними разговорами донимал, руку здоровую не распускал – знал, какой она выбор сделала. Злился, хмурился, а все одно – выручал, когда нужно...

– Где – там? – не поняла Джейса.

– Что избранник твой сказал? – цыкнул зубом Арчик. – Или думаешь, я ничего не знаю? Думаешь, не догадываюсь, зачем в Храм идешь? Не выгорит у тебя ничего с Рином Олфейном, не любит он тебя, зря сердце свое трудишь и еще зряшнее с храмовниками связалась. Не принесут они добра!

– Зло говоришь. – Джейса поправила волосы. – А мастер Хельд не злой. И выгоды ему никакой нет оттого, что Рин под его руку встанет. Я с отцом говорила: все равно в Совете Фейр заправляет, пять магистров из девяти под его дудку танцуют. Да и остальные с опаской на него косятся.

– Тогда отчего весь город говорит, что именно Фейр наденет перстень с белым камнем? – ухмыльнулся Арчик. – И зачем Храму опека над домом Олфейнов, если по-всякому руку Фейра не перебеешь? Я вот что тебе скажу, весь этот магистрат – сборище паразитов! Плюнул бы Олфейн на магистрат, отказался от перстня и жил себе. Чего ему не хватает?

Джейса вздохнула: и чего действительно, спрашивается, хорошего в этом магистрате? Ничего, кроме забот. Что бы ни случилось в городе, во всем магистрат виноват, а прибытка магистрам от города – никакого. Только и всего, что подать городскую магистры не платят. Да что с того толку, если у того же Олфейна, что плати подати, что не плати – дом роскошный, а внутри пусто, как в коридорах Водяной башни. Недаром Хаклик чуть ли не две трети дома богатым скамским купцам сдает, три верхних этажа камнем заложены, вход в них отдельный для съемщиков. Правда, и этих в последние месяцы не бывает. Случалось Джейсе помогать Хаклику, когда еще старший Олфейн последние месяцы жизни отсчитывал, насмотрелась на то, как нужда не только нищих и убогих прижимает, но и знатных и гордых не минует. Ничего, еще одумается Рин, не может не одуматься, а уж она вдохнет жизнь в холодные стены!..

– Ну, – оглянулся Арчик, – что замолчала? Верно, уж размечталась, как будешь камень под крышей Олфейна коврами застилать? Не надейся. Знаю я таких, как Рин Олфейн! Он скорее собственный язык грызть начнет, чем корку с земли поднимет!

– Это я, что ли, корка? – вспыхнула Джейса.

– Тихо-тихо! – отшатнулся звонарь. – Не то я хотел сказать...

– Что сказал, то и сказал! – отрезала Джейса. – Может, и корка, только не тебе о том судить!

– Вот ведь... – Арчик взъерошил волосы, поморщился раздраженно на собственную несдержанность, покосился на приблизившуюся громаду Храма и сокрушенно вздохнул: – Ладно, может, и не мне судить, но имей в виду: случится что, весь город осудит. Ты уж глупостей не наделай, девка...

– Жди здесь, – отмахнулась Джейса, ловя плечами пробивающую ее дрожь.

Осенний день обещал быть солнечным, но громада Храма загородила солнце, и тяжелая тень накрыла не только площадь, но и сторонящиеся божьего строения обычные дома. Странным казалось, что в городе, где, кроме Медной, ни одна улица не ширилась больше чем на десяток локтей, такая площадь оказалась незастроенной. Но стоило ступить на нее, как и объяснения оказывались не нужны.

Даже здесь, за три сотни шагов до Храма, Джейса начинала чувствовать тяжесть, которая в прошлый приход едва не вынудила ее упасть на колени. Хотя достаточно было склонить голову перед милосердием мастера Хельда, настоятеля дома Единого в Айсе. Может, и правда то, о чем шушукуются в городе, что не чужды храмовники магии? И то верно, иначе почему бы они выдавали ярлыки лекарям и колдунам? К тому же именно храмовники ходят по городу и следят, чтобы не было злокозненного и неразрешенного колдовства!

Нет. Неспроста, несмотря на нехватку свободных мест в городе, площадь вокруг Храма осталась незастроенной. Шарб намекал, что камень под ней пронизан штольнями храмовников, где вырастает немалая доля магических кристаллов, иначе как бы они смогли выстроить такую громадину? С другой стороны, какая ей разница, чем живет Храм и чего хотят храмовники? Не ей же по их хотениям расплачиваться. Сейчас нужно просто поговорить с Хельдом, он обещал, что все устроит.

Джейса кивнула сама себе и медленно двинулась вперед, прикидывая, какие слова скажет Хельду и что может услышать в ответ.

Храм казался огромным еще издали, но с каждым пройденным шагом он словно вырастал из тверди холма, наклонялся вперед всеми тремя башнями, что срослись друг с другом, как срастаются ледяные кристаллы, если не снять их со стен штольни в положенный срок. Сколько же надо было прорубить подземных ходов, чтобы заполучить такую уйму камня?

Ее словно ждали, хотя ни одного наблюдателя Джейса не заметила – высокие окна начинались не ниже десятка локтей от подошвы здания. Тяжелые ворота скрипнули, мелькнула наголо обритая голова послушника. Он поманил Джейсу пальцем, но не повел в сумрак здания, а передал другому послушнику. Час для службы был неурочным, между уходящими в купольную мглу колоннами царила тишина, и шаги Джейсы раздавались так громко, что она невольно стала наступать на носки.

– Сюда, – позвал провожатый и толкнул низкую дверку.

Джейса перешагнула порог выбеленной до снежной чистоты крохотной кельи и вновь почувствовала необъяснимый стыд перед лицом худого, почти изможденного человека, закутанного в серый саван поверх объемистого и угловатого наряда. Человек сидел на каменной скамье и водил пальцем по раскатанному на коленях свитку.

– Мастер Хельд?

Голос девушки дрогнул, она поклонилась и застыла возле порога, разом забыв и приготовленные слова, и причину, по которой торопилась на встречу с хозяином огромного здания.

– Да, дочь моя, – мягко ответил храмовник, выпрямился и убрал свиток в нишу в стене. Движение руки отозвалось лязганьем металла. Хельд поморщился и покачал головой. – Не только воин укрывает плоть свою железом, но и служитель храма. Отличие в том, что воин спасает себя доспехом от вражеского орудия, а служитель храма обнажает себя пред ликом Единого, насилуя плоть свою. Впрочем, зачем тебе это знание, дитя? Что имеешь сказать мне?

Джейса с трудом оторвала взгляд от желтой, как отполированная кость, лысины, скользнула по провалам глаз и уставилась на острие подбородка.

– Пришла, как вы велели, мастер Хельд. Я получила клеймение. И говорила с Олфейном. Он отказал мне... Он сказал, что ему нужна девушка из... богатой и сильной семьи, которая способна защитить ее от дяди Олфейна.

– Наш Храм, – Хельд поднял над головой ладонь и взмахнул ею, обозначая жестом невидимое из кельи величие здания, – стало быть, в глазах Олфейна не способен защитить его избранницу?

– Мы не говорили с ним об этом, – растерялась Джейса. – Но я сказала Рину, что Храм готов оплатить все долги дома Олфейнов. Я... все сказала, что вы наказали мне. И о двадцати годах магистерства, и о покровительстве. Но Олфейн словно не слушал меня. Мне показалось, он был обижен из-за того, что я получила клеймо в Кривой часовне. Но он сказал, что если решится принять предложение Храма, то непременно найдет меня! И я узнала еще кое-что... Олфейн уже нашел опекуна. Его теперь разыскивает Фейр Гальд. Не думаю, что он делает это ради доброго знакомства. Но герб магистра уже вернулся на дверь дома Олфейнов.

– Я знаю, – улыбнулся Хельд. – Но разве состоявшееся опекунство меняет хоть что-то? Разве что добавляет хлопот Фейру Гальду. Или ты думаешь, что дядюшка Рина Олфейна так легко упустит покровительство над любимым племянником? До собрания магистрата еще два дня, разное может случиться! Да и что изменится после собрания магистров?

– Ничего, – пролепетала Джейса.

– Ничего? – растянул губы в усмешке Хельд. – Наверное, ничего. Или почти ничего. Или многое. Все во власти Единого! Так если гнев Фейра настигнет неудачливого опекуна, не частью ли промысла творца будет его неудача?

Джейса растерянно пожала плечами.

– А теперь скажи мне, дитя, сможет ли Фейр Гальд уничтожить Храм, если Храм возьмет на себя опекунство над домом Олфейнов?

Джейсе показалось, огонь блеснул в глазницах Хельда, но она не решилась смотреть ему в глаза.

– Что мне делать, мастер? – спросила она беспомощно.

– Ты готова что-нибудь делать? – все так же мягко поинтересовался Хельд и прислонился к стене, отчего доспех, скрытый под саваном, снова издал металлический лязг.

– Конечно, – прошептала Джейса. – Главное, чтобы это не принесло вреда Рину Олфейну.

– Он груб, высокомерен и заносчив, – пробормотали губы Хельда.

– Он добр, мастер, – замотала головой Джейса. – Однажды он спас меня.

– Он беден и безнадежен, – скривились губы Хельда. – Пламя не приняло его!

– Но ведь вы же сами говорили мне, когда давали разрешение на клеймение, что Единый не назначает знаков своим детям, он только не препятствует им. Все в воле Единого, мастер! Только поступки наши до времени в нашей воле. Единый либо превозносит создание свое, либо испытывает его. Рин Олфейн спас меня...

– Однажды он спас тебя, но точно так же однажды может убить, – почти прошептал Хельд и чмокнул сухой губой. – Ты помнишь канон? Да, Единый либо превозносит создание свое, либо испытывает его, но даже превознесенный должен помнить, что вознесение его – суть тягчайшее испытание среди прочих! Я не отказываюсь от своих обещаний. Но непрепятствование исполнению не всегда подобно помощи и содействию. Ты швея, что сплетает нить своего счастья, я всего лишь пастух, который приносит тебе шерсть. Но даже швее счастья недостаточно желания и усердия, ей надобен еще и челнок. Вот! – Храмовник со скрежетом протянул руку девушке. – Возьми.

– Что это? – Она дрожащими пальцами поймала на ладонь два розоватых осколка.

– Магия, – снова пожал плечами Хельд. – Если магию позволил Единый, отчего Храм должен не позволять ее? Это приворотная соль. Смочишь слюной, бросишь осколок в питье или еду и подашь Рину Олфейну. Эта соль не делает пищу соленой. Она для другого. Он примет ее внутрь и ровно год будет видеть только тебя.

– А потом? – затаила дыхание Джейса.

– Год – большой срок, – наклонил голову Хельд. – За год можно успеть многое, не мне тебе объяснять что. А чтобы выносить ребенка, не потребуется и года. Подумай об этом, сестра моя. И не забывай, ты не одурманить пытаешься молодого Олфейна, а спасти его!

– Почему осколка два? – еле слышно спросила Джейса.

– На тот случай, если не веришь мне, – сомкнул губы Хельд. – Испробуй один из них на ком-нибудь. Не все же тебе одной мучиться от неразделенной любви? Поделись несчастьем. Делай свое дело, все остальное оставь мне. Да приглядишься к опекуну Рина Олфейна, если... столкнешься с ним. И дай знать мне.

Глава 6

ФЕЙР ГАЛЬД

Когда Рин, цепляя мечом резные столбы, выходил из вельтской харчевни, на мгновение ему показалось, что кто-то знакомый сидит в зале. Олфейн даже остановился, пытаясь высмотреть пристальный взгляд, который только что ощупывал его спину, но кривые ухмылки, бросившиеся в глаза, были обращены только к необычному мечу. Олфейн уже стиснул зубы, собираясь поймать одну из насмешек и ответить на нее резко и беспощадно, но корчивший злобные рожи Камрет подтолкнул парня в спину и вывалился вместе с ним на широкую Медную улицу.

Солнце уже поднялось высоко, в лицо дохнул теплый осенний ветерок, и даже привычные запахи Гнили и Погани почти не чувствовались в нем. Над лавками медников курились дымы, и сами мастера почти поголовно выбрались на улицу, чтобы, жмурясь под лучами неожиданного светила, выстукивать и выбивать причудливые узоры на желтопузых кувшинах и роскошных блюдах.

Конечно, в Ремесленной слободе и мастерские у медников были просторнее, и самих мастеров с подмастерьями числилось больше, но самые искусные умельцы оставались в пределах главной городской стены.

И то сказать, богатые покупатели по торжищам не бродили. Они платили гостевую пошлину, проходили через главные ворота, снимали дорогой ночлег в одном из постоялых дворов и, не торопясь, чтили посещениями древние, как сам город, магазинчики. Тот же мастер Грейн говорил, что на дальних полках убогих лавок можно смахнуть пыль с таких редких вещей, которые в других частях обитаемой земли хранились бы в тяжелых сундуках под замками и под охраной!

– И ты, старый друг, говоришь, что Айса – город бездельников и тунеядцев? – усмехнулся Рин. – А не прогуляться ли нам тогда по Гончарной улице, по Оружейной? Давно ли ты был в Ремесленной слободе? В Каменной? Знаешь ли, какие сосуды высверливают камнерезы из горного стекла? А видел ли ты творения ювелиров с Печной улицы? Хаклик говорил, работа их столь тонка, что, к примеру, серьги меняют узор от шага красавицы! От ветра, который едва шевелит прядь ее волос!

– Бывал и видел, не сомневайся, – надул губы застывший на пороге харчевни Камрет, сравнившись таким образом на короткое время с младшим приятелем ростом. – Такое видел, что тебе и присниться не может! А ты бы отправился куда-нибудь в Скаму или в Тарсию и посмотрел бы, как там людишки живут. Хотя мне отчего-то кажется, что нет теперь дороги в Скаму. Ладно, карты ведь и соврать могут...

– Никогда ты при мне карты не бросал, – обернулся к старику Рин.

– А я ни при ком их не бросал, – хитро прищурился Камрет и тут же подмигнул парню. – Значит, говоришь, Айса – не город бездельников? А вот скажи-ка мне, молодец, что будет, если исчезнут кристаллы?

– Ну, – Рин почесал затылок, – легкие деньги исчезнут, купцов поубавится. Но торговля не прекратится. Я же вместе с отцом податные ведомости изучал. Большая часть богатства города от Погани происходит. Руда, трава поганая, иглы, горное стекло, шкуры огненного зверя – все там добывается!

– А если Погань подвянет? – нетерпеливо подпрыгнул Камрет. – Совсем подвянет? Если дождиком ее смоем? Не задумывался?

– Это как же подвянет? – вытаращил глаза Рин. – Она ж не сама по себе огнем дышит, кто-то ее подпаливает! Уж не знаю кто, зверь-демон ли какой, гнев Единого или Хозяйка, которую

охотники поминают, однако кто бы ни был, пока он дышит и Погань дышит? Не ты ли сам говорил, что где источник Погани, там и Погань?

– Говорил. – Камрет поправил на поясе меч и тяжелую флягу. – Однако и местность силу свою имеет. Тот же источник в жарких пустынях ручья не сладит, тут же в песок уйдет. Да и сам знаешь, как бы кресало у тебя искрами ни сыпало, а без дровишек костра не запалишь.

– Ты еще скажи, что за тысячи лет дровишки не выгорели! – махнул рукой Рин. – Всякий источник, пусть он и пламенем дышит, запас иметь должен! Вот Шарб, прежде чем на Водяную башню забраться, не меньше кружки пива должен выпить, а то, говорит, удара не будет! Кто же подносит кружку пламени Погани? Отчего не прогорела до сих пор? Кто дровишки в костер подбрасывает? И что это за дровишки?

– Складно вопросы лепишь, – прокашлялся Камрет. – Вот только, боюсь, ответы мои тебе не понравятся. Да и не время пока ответы на такие вопросы слушать. Однако при следующей встрече отвечу. Слово даю! Значит, хочешь, чтобы прогорела?

– Славно было бы без Погани жить! – улыбнулся Рин, на мгновение стерев с лица настороженность и боль. – Слышал я рассказы и о лесах, и о лугах, и об озерах, и о морских берегах. Не ты ли говорил, что пропасть лет назад и Гнили никакой не было, а на ее месте раскатывало волны дивное озеро? Так что можно и без Погани, к тому же... – парень задумался, – разве она в сладость Айсе? Вот бы прогнать этого поджигателя! Или источник затворить, который мне чаще в виде огненной пропасти представляется. Отец рассказывал, что, если бы не Погань, в нашей стороне можно было бы и хлеб растить, и скот пасти. Земля, пусть и прокаленная поганым пламенем, но жирная и добрая!

– Добрая! – Камрет сплюнул себе под ноги, едва не упав из-за того, что дородный вельт, выходя из харчевни, столкнул его с порога дверью. – Земля добрая, да жизнь недобрая... Посмотрим-посмотрим. Мастера, конечно, в Айсе знатные, но когда будет тут, как везде... Посмотрим-посмотрим. Хотя, я-то уж не увижу. А вот поджигателя прогнать – это мысль интересная, да! Охота не на один год, хорошая охота. Ах, хорошая охота!..

Отряхнув порты, которым явно требовалась не только стирка, но и нитка с иглой, Камрет подставил морщинистое лицо солнцу и тоже блаженно зажмурился, словно представил себя на мгновение могучим избавителем древней страны от колдовской напасти.

– Ты зачем Джейсу в Кривую часовню водил? – вдруг вспомнил Рин. – Без меня мне невесту нашел? А знаешь, что мне Храм через нее уже опекунство предлагает? Двадцать лет опекунства хочет!

– И ты согласился? – растянул губы в улыбке Камрет.

– Джейса, конечно, хорошая девушка, – пробормотал Рин. – Но я жениться не собираюсь. На ней не собираюсь. Пока не собираюсь...

– Ну так и не собирайся! – хохотнул старик. – Однако помни, что когда дом твой загорится, выскакивать через ближнюю дверь будешь. Что это значит?

– Да нечему у нас в доме гореть! – нахмурился Рин. – Да и чего к двери пробиваться, и в окно можно выпрыгнуть!

– Это значит, малыш, что в кармане у тебя должны быть ключи от всех дверей! – с досадой вздохнул старик и добавил: – И от окон тоже.

– И от двери в Храм? – не понял Рин.

– Так тебе Хельд и дал ключ от Храма, – закашлялся от смеха Камрет и тут же соорудил самую страшную рожу ближайшему меднику, который опустил чекан и начал прислушиваться к разговору. – Он скорее сам все ключи у тебя заберет. Кстати, осталось еще что-то от отца или Фейр до всего добрался?

– Что должно было от него остаться? – Рин отвернулся от медника, от заполненной разряженными купцами и зеваками улицы к Камрету и обнаружил, что тот как сквозь землю провалился, и тут же почувствовал удар по плечу. За спиной его стоял Фейр.

– Ну здравствуй, племянничек, – сухо выговорил брат матери.

Рин замер. Высокий и широкоплечий Фейр Гальд стоял, уперев руки в бока и, как мгновение назад Камрет, упивался осенним солнцем. Издалека можно было сказать, что дядя рассматривает младшего Олфейна с доброй, снисходительной усмешкой, если бы в удивительно светлых, чистых голубых глазах родственника не царила пустота, которая и во всякую прошлую секунду общения с дядей, и в эту тоже казалась Рину страшнее лютой ненависти.

На вид Фейру было лет тридцать – тридцать пять, хотя он никак не мог оказаться моложе пятидесяти, потому что был родным братом и почти ровесником собственной сестры, а возраст матери Рина отец успел обозначить. В отличие от большинства горожан, Фейр никогда не отращивал волос, стриг их коротко и редко прикрывал высокий лоб шлемом. Если бы не безжалостные глаза, он мог бы числиться красавцем, хотя наводил ужас на всех айских невест.

Рин прекрасно знал, что он сам похож скорее на мать, чем на отца, а, значит, похож на Фейра, и вновь отыскивал отличия в облике родственника, которые, даже не явно выраженные, создавали ощущение, что они все-таки не родня.

Длинные волосы Рина были черны, правда, отливали на солнце медью. Волосы Фейра сияли серебром, именно серебром, а не сединой, тускнея на висках оттенком топленого молока, выдавая стриженной патиной неведомо куда улетучившийся возраст. Лицо у Рина было чуть более вытянутым и подбородок легче и острее, чем у Фейра. Нос оставался прямым и ровным против выпятившейся переносицы и опустившегося кончика к презрительно оттопыренной губе у дяди, скулы плавнее, но главное – глаза. Глаза Рина были темны, в цвет волос, но никак не пусты. И уж точно в них плескалась ненависть, потому что именно она отражалась в зрачках богатейшего горожанина Айсы.

– Опять заболел немотой? – скривил губы Фейр и обернулся к замершим за его спиной четверым охранникам, каждый из которых был выше Рина на голову, словно говоря бравым молодцам: «Посмотрите же на неблагодарного!». – А ведь вроде бы не обижал я тебя, парень, никогда! С чего бы это вдруг такое неуважение?

Фейр говорил громко. Он умел говорить вроде бы не повышая голоса, но каждое его слово при этом было слышно, даже если бы он шептал. По неизвестной причине отложили чеканы медники, замерли покупатели и зеваки, утих даже полуденный говор за крепкими стенами вельтской харчевни.

– Что молчишь, Рин Олфейн? – все также громко произнес Фейр и добавил после долгой паузы, влив в голос притворную, но явную обиду: – Или мои заботы об умирающем Роде Олфейне, о тебе, неразумном, об обнищавшем доме старшего магистра, чьи долги я выкупил, дабы уберечь его от разорения, оскорбляют тебя? Разве я виноват хоть в чем-то перед тобой?

«Мерзость! – Рин едва не захлебнулся ненавистью. – Сытая, безнаказанная мерзость! Если бы не предупреждение Камрета, я давно бы уже проткнул тебя насквозь! Неужели ты думаешь, что здесь, в окружении нескольких десятков людей, на виду у всего города я буду отвечать тебе? Что я расскажу, как ты избивал старого Хаклика и плевал на ложе умирающего отца? Расскажу, как ты не единожды обыскивал дом Олфейнов, унося оттуда все, имеющее хоть какую-нибудь ценность? Как отправлял охранников в подвал выскабливать стены, чтобы ни одно гнездо заговоренного льда не пошло в рост? Расскажу, как получал от тебя пинки и зуботычины с того самого дня, когда отцу отказали ноги и язык? Или как ты в непонятной ярости выхватывал из ножен меч отца и уродовал клинок, рубя им грубую утварь и каменные своды дома Олфейнов?.. Нет, Фейр Гальд, я скорее захлебнусь в Гнили, но не сделаю ничего, что позволит тебе захватить должность старшего магистра и уничтожить дом Олфейнов! Ничего, как любит повторять мастер Грейн, чем сильнее жажда, тем слаще вода...»

– Вот так ты отвечаешь мне на заботу? – притворно качнул головой Фейр. – Вот так ты следуешь долгу крови и почитания старших? Я слышал, что ты нашел себе опекуна – даже не

опекуна, а опекуншу? Уж не для того ли, чтобы рассчитаться с уличной девкой за неимением денег магистерским перстнем?

Рин почувствовал, что жар приливает ко лбу и щекам, закрыл глаза, чтобы сдержать рвущийся из глотки рев, и едва не упал. Колени и плечи свело от напряжения судорогой.

– Ты потерял разум, Рин Олфейн, – продолжал между тем Фейр. – Мне больно это тебе говорить, тем более здесь, у Северной башни, на одном из мест суда и чести. Но даже опекунство не спасет уже дом Олфейнов, который нуждается именно в спасении. Твоя подстилка, без сомнения, потеряет перстень, если его, конечно, не отрежут ей вместе с пальцем в какой-нибудь ночлежке. Она потеряет его точно так же, как ты потерял меч магистра! Или ты обменял его на эту заточенную кочергу? Она потеряет его точно так же, как ты потерял ключ от ворот Водяной башни! Вот этот! – Фейр вытащил из-за пазухи тяжелый бронзовый ключ и поднял его над головой. – Его нашли в притоне в Поганке!

«Врешь!» – попытался закричать Рин, но тут же понял, что не может вымолвить ни слова. Он даже не мог шевельнуться! Неведомая сила стянула силками его руки и ноги, и окаменевший во рту язык не лишил его дыхания только потому, что и грудь его не вздымалась! Он словно обратился в деревянного болвана, на котором старина Грейн учил будущих защитников Айсы отрабатывать приемы с мечом!

– Скажи-ка, парень, – наклонился к взмокшему от пота Рину Фейр, пряча ключ за пазуху. – Разве я заслужил такое отношение? Разве дом Олфейнов заслужил позор и бесчестье?

– Ммммм! – затрясся, пытаясь разорвать оцепенение, Рин.

– Еще и дергаешься? – искренне удивился Фейр и неслышно для окружающих, но быстро и внятно вымолвил, не шевеля губами: – Я убил твоего отца, щенок! Жаль, что я не могу убить тебя! Законы Айсы пока не позволяют поднять с земли звание магистра, если у умершего нет прямых родственников. Ты сам обрек себя на муки, отказавшись от моего опекунства, как обрек на муки отца, более пяти лет не давая ему умереть назначенной мною смертью! А теперь дыши, пока я не перерезал тебе глотку.

Последнее слово Фейр произнес чуть громче и дунул в лицо Рину. В тот же миг тело вновь стало повиноваться сыну Олфейна. Его тело ожило, словно прорвавшая запруду вода.

Рин не сказал ни слова. Он зарычал, как выбравшийся из западни зверь, и бросился на обидчика. Он выхватил из-за пояса кинжал и ударил в отвратительное, усмехающееся лицо, надеясь вонзить клинок в горбинку между пустых глаз, но не попал. Фейр сделал легкое движение головой в сторону, и клинок скользнул мимо. Клинок рассек только край мочки уха, но в пустых глазах пылало торжество, словно дядя собственноручно отметил глубину царапины, а в следующее мгновение сразу несколько человек охнули, и крепкие руки охранников Фейра Гальда сковали обезумевшего Рина Олфейна надежней кандалов у пыточного столба.

Дядя пошатнулся. Он сделал вид, что пошатнулся, коснулся ладонью царапины и обильно размазал кровь по щеке и шее. А когда начал говорить, голос его полетел вдоль улицы Медников вплоть до Водяной башни и вернулся обратно эхом, которое заставило и ремесленников, и покупателей, и зевак, и прибежавших от северных ворот стражников, и высыпавших из вельтской харчевни горожан поежиться, словно их обдало холодным ветром.

– Ты пролил кровь рода! – громко сказал Фейр Гальд, показал толпе ладонь, выдернул из руки Рина кинжал и тоже поднял его над головой. – Ты опозорил герб Олфейна, подняв оружие дома на человека, в котором течет кровь твоих предков. На безоружного человека!

Фейр Гальд распахнул плащ и показал пустой пояс, на котором до этого дня неизменно висел меч.

– Ты недостойн называться сыном Олфейна! – выкрикнул Фейр, легко переломил кинжал, на рукояти которого был выгравирован круг с зигзагом Иски, башня и лодка, и бросил осколки к ногам Рина.

– Я вызываю тебя на поединок, молодой Олфейн! – громко произнес Фейр Гальд, сорвал с пояса Рина меч и воткнул его в стертый камень улицы Медников на ладонь. – У Водяной башни в праздник равноденствия я буду ждать тебя с утра. На девятый удар колокола после полуночи ты кровью смоешь оскорбление, которое нанес мне и дому Олфейнов! И если хоть кто-то посмеет тронуть до поединка горожанина Рина, временно носящего имя Олфейна, того я буду считать личным врагом.

Фейр Гальд сложил губы, словно что-то хотел сказать еще, но только дунул в сторону племянника, развернулся и пошел прочь. Четверо охранников, стискивавших руки и плечи Рина Олфейна, тут же оставили жертву и двинулись за хозяином.

Зашумели, зашевелились невидимые опустившим голову Олфейном зеваки. Зазвенели доспехами возвращающиеся к башне стражники. Застучали чеканы медников. Заскрипела дверь вельтской харчевни. Пролетел по оживающей улице ветер и дотронулся до взмокшего лица парня, и вслед за ветром прилетел гулкий голос колокола.

– Скоро полдень, – пробормотал под нос Рин и ухватился за рукоять меча, опустив лицо, чтобы никто не увидел слез бессилья, хлынувших по щекам. – Однако как ловко ты, Камрет, избежал встречи с ненавистным Фейром Гальдом! Куда же ты исчез, старик? Отчего твои карты не предупредили меня о предстоящем поединке? Или и впрямь нет никакого колдовства?

Клинок не подался и на волос. Да и не осталось сил у молодого Олфейна. Незамеченное зеваками последнее дуновение Фейра словно превратило Рина в древнего старика. К счастью, над его духом дядя был не властен, и Рин не разжал дрожащие пальцы.

Глава 7

ОРЛИК

Орлик был младшим сыном в большой семье. Конечно, он вышел ростом и силой и даже овладел грамотой, что среди вельтов считалось сродни умению разговаривать с духами. Но он был младшим в семье, последним среди пяти сыновей, старший из которых уже сменил на посту главы дома утонувшего в осенний шторм отца и сам успел с помощью коренастой вельтки вырубить из вельтской породы полдесятка белобрых крепкоголовых наследников.

Сестер Орлика, славных крепостью кости и лона, разобрали по ближним вельтским домам загодя подобранные женихи, а три средних брата постепенно нашли себе жен в дальних селениях, в тех семьях, где случилась очевидная нехватка мужчин. Так Орлик остался один.

Старший брат не гнал его из дома. Да и в ладье, что попеременно служила то для добычи морского зверя, то для обороны от лихих тарсов, всегда бы нашлось место на скамье и весло потяжелее. Но юного вельта, который в молодые годы перещеголял ростом и силой всех богатырей в округе, тянуло за горизонт. Туда он и отправился. Сначала вдоль берега на юг, затем, когда добрался до тарских фьордов, на запад, нанявшись гребцом к смельчаку-торговцу, и постепенно обошел если не всю обитаемую сушу, то значительную ее часть.

К тому времени, когда Орлику исполнилось двадцать лет, он успел добраться до мыса Ветров, за которым вставал бурный западный океан, и два года прожить среди диких горцев, перенимая у них умение управляться с мечами и подражать диким зверям.

До двадцати одного года Орлик охотился в предгорьях Западной гривы, где был признан самым удачливым добытчиком пещерного вебря и самым метким лучником даже среди савров.

До двадцати двух Орлик служил охранником у скамского мага. Старик был колдуном не из последних, но годы его подходили к концу, и от боязни, что все его знания уйдут вместе с ним в глинистую скамскую землю, попытался кое-чему научить смышленного великана. Однако не слишком преуспел в учении, потому как относился к магическим кристаллам из далекой Айсы с презрением и не устоял от наговора молодого соперника, жаждущего прибрать к рукам все заказы мирян из небольшого скамского городка по наговорам и бытовому колдовству.

Орлик смекнул, отчего оборвалось хриплое дыхание его учителя, отправился к злодею и, приняв возможно более несчастный вид, попросился в ученики и охранники. Молодой колдун, едва успевший получить ярлык на колдовство от местных храмовников, не преминул презрительно отозваться о «не сумевшем себя защитить маге», за что и поплатился. Гигант вельт проявил неожиданную сноровку, свернув голову негодяю до того, как тот успел подумать о защитном заклинании.

Зато о многом успел подумать Орлик, когда скрывался в перелесках да оврагах от дружины местного воеводы. На молодого парня повесили обе смерти, разграбление двух магических мастерских и поджег двух домов. Хотя все, что позволил себе совершить Орлик, кроме отвратительного хруста шейных позвонков самодовольного негодяя, была кража манускриптов и свитков из двух домов сразу. Причем из первого он забирал свитки в счет невыплаченного ему жалованья за целый год.

Разбирая расклеенные на придорожных столбах вестевые листки, Орлик понял, что в домах обоих магов те же стражники или храмовники помародерствовали вволю. Оттого устроили пожары и назначили удобного грабителя, который, по всему выходило, убегал после жуткого преступления с обозом награбленного. Хорошо еще, что истинные воры особого рвения в поиске назначенного убийцы и грабителя не проявили.

Так или иначе, вельту удалось пробраться в Дикие земли, где он сумел прожить целых три года, не в последнюю очередь оставшись в живых благодаря огромному росту и умению убивать степного быка ударом кулака.

Первые полгода он и существовал только за счет неожиданного мастерства, перебираясь от стойбища к стойбищу и от племени к племени как живая легенда. К тому же строгие до воинского и пастушьего уклада племена шиллов и айгов оказались не столь жестки в вопросах быта и частенько призывали к себе северного великана. Не ради зрелища, но ради свежей крови чужака, которая, смешавшись с кровью степных красавиц, должна была одарить будущих степняков богатырской силой и статью.

Надо сказать, что к свалившемуся на него «постельному» оброку Орлик отнесся с живостью и желанием, да так преуспел в сладостном ремесле, что частенько облагодетельствованных им девиц приходилось чуть не силой отрывать от спешащего распрощаться молодца.

В двадцать пять лет Орлик, который успел разжиться богатым шатром, десятком рабов и табуном лошадей, затосковал в жаркой степи и захотел вновь к морю, к холодным ветрам и черным скалам. На свою беду, он попытался сунуться обратно в Скаму, но, как оказалось, великана там не забыли.

В первой же приграничной крепости Орлик лишился рабов, обоза и почти всего богатства, кроме все того же мешка уже порядком потрепанных рукописей и нескольких лошадей. Прямая дорога лежала обратно в степь, но небо над степью показалось выцветшим и серым, и вельт повернул коней на восток, где синела вдоль горизонта полоса Пуши.

Погоня отстала только в предлесье. Вельт еще удивился, отчего идущие по его следам дружинные резко остановили лошадей, едва Орлик вошел в полосу кустарника. До преследователей оставался полет стрелы, но вельт понял причину их осторожности, лишь когда в один день лишился всех лошадей. Уже через половину лиги кустарник сменился непроходимой чащей, а затем кое-что повидавший в жизни вельт уверился, что не видел еще ничего.

Лошадь, на которой он ехал, внезапно всхрапнула и повалилась наземь. Орлик скатился с нее кубарем и с ужасом разглядел переломанные ноги животного. Идущие в поводу еще три кобылы тревожно забились в молодом сосняке, а верховая уже хрипела. Обратившиеся в безвольное месиво плоти ноги подогнулись, лошадь упала на брюхо и подохла, едва затрещали перемалываемые невидимым врагом ребра. Вскоре на узкой тропе лежала расплывшаяся меж корней чахлых деревьев туша, опознать в которой верховую лошадь можно было только по завязшему в месиве мяса, костей и шкуры седлу.

Орлик стер со лба дрожащей рукой пот и почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Отвел руку назад, покалывание уменьшилось, протянул вперед – едва не вскрикнул от боли. Все-таки не зря пытался старый колдун наставить дюжего охранника на путь магии, были у Орлика задатки, были. Но, что важнее всего, была и голова, которая не помешала воспользоваться задатками дабы избежать прочих магических ловушек.

К сожалению, Пуца была страшна не только магией. Уже к вечеру Орлик потерял остальных лошадей, когда из чащи вынырнули огромные желтые звери, напоминающие собак. Они разорвали кобылам глотки мгновенно и тут же начали их жрать, что и спасло вельта от неминуемой гибели, который шел в десяти шагах впереди и прислушивался к собственным пальцам.

Это потом он станет лучшим охотником Пуши, научится слушать не только пальцы, но звуки, и дыхание леса, в котором будет различать и звон родников, и шаг зверя, и недобрый тон мыслей злого следопыта, и натужность древней магии. А в первый раз его спасли только случайность и сила.

Орлик рванул перевязь, ухватил меч и повел им вокруг себя, срубая выползающий на тропу подлесок. И еще раз, и еще, пока огромный желтый волк не поднял уродливую морду и не исторг из пасти искры. Два зверя бросились на Орлика. Затем, когда он рассек грудину одному и перебил хребет другому, от туш оторвались еще два. Вельт едва избежал смерти,

потому что меч так и застрял в туше третьего, и четвертого пришлось резать ножом, а там уже на неуступчивого лесного гостя прыгнул сам вожак.

Он был тяжелее самого Орлика, а если бы встал на задние лапы, то посмотрел бы на незадачливого охотника сверху вниз. Когда волк прыгнул, искры вновь посыпались из его пасти, и Орлик невольно отшатнулся. Может быть, именно это его и спасло.

Под ноги попался уже убитый зверь, вельт опрокинулся на спину, и ужасные зубы шелкнули в воздухе. А потом Орлик сделал то, что учил его делать в далеком детстве еще живой отец, хотя прием этот годился только против пусть и крепких, но малорослых тарских собак. Он поймал передние лапы зверя, который еще летел ему в грудь, и дернул их в стороны. Вряд ли кому-нибудь удалось сделать что-то подобное.

Уже потом Орлик, когда пришел в себя и замотал разодранный четвертым волком бок, попробовал обхватить своей огромной ладонью лапу зверя, он не смог соединить пальцы, но тогда... Он поймал передние лапы зверя и дернул их изо всех сил в стороны. В груди у вожака что-то хрустнуло, и вместо искр из пасти раздался предсмертный вой. Лопнувшая грудина разорвала зверю сердце.

Орлик отдышался, собрал оружие, забросил на спину мешок и двинулся вглубь леса, подумывая о том, будет ли он в безопасности, если подберет для ночевки древний дуб или раскидистую сосну.

В отдалении слышались крики неизвестных зверей, порой пальцы скручивало ощущением близкой опасности, но ничего больше с Орликом не приключилось.

Примерно через месяц он выбрался на укромную поляну, где стояли пять изб и выстроились с десятков охотников, которые словно ждали случайного гостя. Вельт, успевший обрасти рыжей бородкой, в недоумении замер, но следом за ним из леса вышли еще пятеро, и одну за другой бросили к его ногам пять волчьих голов. Прозвучали короткие, но громкие слова, охотники возбужденно загудели, из их строя выполз старый дедок. Он придиричиво оглядел Орлика, покачал головой, ощупав локти и колени, и произнес по-вельтски:

– Ты убил хозяина леса голыми руками?

– Я убил волка, – пожал плечами Орлик и поддел ногой издающую зловоние голову.

– Ты убил большого желтого волка – хозяина леса! – упрямо повторил старик и ткнул Орлика кривым пальцем в грудь. – Ты не лесной человек. Ты ходишь по лесу, как пьяный скам. Ты слышишь магию, но не понимаешь, что слышишь. Ты здоров, как горный медведь, но медлителен, как проглотившая бобра водяная змея. Но ты, рыжий, убил хозяина леса, за которым одних лесных братьев числится едва ли не полсотни! Теперь ты – хозяин леса. Уйдешь жить в лес, как зверь, или останешься с нами в деревне, как человек?

Орлик остался. И когда наконец вышел из Пущи, действительно чувствовал себя хозяином леса. Старый Гринь научил вельта многому. По крайней мере, помог ему разобрать свитки и пергаменты, многие из которых были на незнакомых языках, но и, кроме того, науки хватало.

Орлик сам себе порой напоминал мальчишку, что, разинув рот, прислушивается к речениям седых вельтов, растолковывающих, какой бывает ветер, чем одна волна отличается от другой, что значит рисунок звезд и как определить глубину или мель, не опуская голову в воду. Через три года Орлик слышал лес лучше, чем биение собственного сердца. Магические ловушки, разбросанные по чащам в незапамятные времена, он не только научился различать и метить одним лесовикам известными знаками, но и уничтожать их или задвигать в непролазные болота. Однажды на спор вельт завязал глаза, пошел с копьем-распоркой в лес и, не снимая повязки, взял готовящегося к зимовке медведя. Тогда-то и сказал ему Гринь:

– Уходить тебе надо, парень.

– Куда же, старик? – не понял Орлик. – И зачем?

– Туда, – махнул Гринь рукой на восток. – Ты и сам знаешь куда. В Погань. А то ты и вправду превратишься в хозяина леса, потому что только он убивал не для пропитания, а из-за куража и злобы.

– Во мне нет злобы, – нахмурился вельт.

– Потому и посылаю тебя не домой, а в Погань, – прокрипел старик. – Там много вельтов, и охота там... другая. Не для пропитания, а чтобы выжить. То, что тебе нужно. Да и пора уж Погани потесниться!

– Неужели ты думаешь, что я смогу сдвинуть с места Погань? – ухмыльнулся Орлик. – Не камнеломка ведь и не болотица наводная, а Погань! Она ж всегда восток всей земли крыла!

– Не всегда, – мотнул головой Гринь. – И Пуща не от начала мира стоит. Да и камнеломки, и болотицы, и прочая местная неудобь как бы не сильно старше Погани. Или не ты говорил, что с любым колдовством можно сладить, лишь бы нужный узелок прочувствовать и распустить?

– Так то Погань! – протянул Орлик, с детства помнивший байки и сказания про гиблую сторону.

– Так и ты не выпечка медовая! – скривил губы старик.

Так, двадцати восемью лет от роду, Орлик вышел из Пущи и вместе с лесным обозом добрался до Айсы. Немало он видел городов, но каменный град на каменном же холме поразил его. И поразил больше, чем запах древней магии, которым тянуло с востока даже против ветра.

Показалось отчего-то Орлику, что и сам город пропитан колдовством. Но не тем, что виделось притаившейся у горизонта страшной степной бурей, а тем, которым одаряет морской бог по его воле вырастающие из бездонной пучины острова. Вот таким островом привиделась Орлику Айса, привиделась и очаровала его.

Оставил он обозных на торжище у Дикого поселка и пошел к городу. Заплатил подать за вход за главную стену, а там нашел земляков и узнал, что его давно уже дома погибшим числят. Перекинулся словом с одним, с другим, пристроился сначала в Поганке, потом пожил в Диком поселке, начал понемногу заходить в Поганую сторону, а там и вовсе во вкус вошел.

И то дело, охота у Орлика пошла так, что другие только глаза тарашили. Правда, сам вельт особо не утруждался, накопил для начала на пошлину для принятия в охотничью общину, а дальше – на пропитание да вино хватало и ладно. Тем более что источники привычной радости жизни бродили, потрясая юбками, по Дикому поселку, да и по ремесленной и торговым слободам в избытке.

Где-то через год получил Орлик охотничий ярлык и ярлык постоянного айского гостя заодно. Одно только его новых приятельниц смущало, из тех, с кем он поближе сходил, отчего вельт клеймиться отказывается и как только Погань его не пожжет неклеяменого?

Орлик только усмехался на виду, а без виду хмурился. Не так легко давалась ему Погань, как со стороны казалось. Никак он не мог отыскать тот узелок, что распустить следовало. Все чудилось вельту, что узелков этих над Поганью словно сеть раскинута, и если бы не каменный остров Айсы, давно бы уж затянуло той сетью всю землю.

Так и бродил по Погани вельт, обвесив руки да ноги свои амулетами, оплетя одежду и собственную удачу наговорами, растопылив пальцы и ожидая пакости всякую секунду, как за границы города выходил. Бил зверя поганого тяжелой пикой, рубил топором, который однажды сменил за его спиной тяжелый меч, что поела поганая плоть в первый же год охоты. Сопровождал в Погань и прочих добытчиков – рудознатцев, собирателей поганой травы, старателей Темного двора, что обнюхивали пропеченные невиданным жаром развалины да что-то расколдовать пытались на обугленных магией и временем дальних холмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.